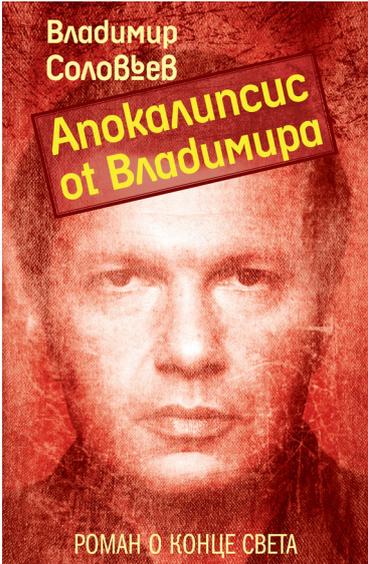

Владимир
Соловьев

Αποκαλυψις
от Βλαδимиρα

ΡΟΜΑΝ Ο ΚΟΗЦΕ СΒΕΤΑ

Владимир Рудольфович Соловьев
Апокалипсис от Владимира
Серия «Евангелие от Соловьева», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161519
Апокалипсис от Владимира : роман / Владимир Соловьев: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-51498-4

Аннотация

«Апокалипсис от Владимира» – продолжение нашумевшего «Евангелия от Соловьева». Мир стремительно меняется: Спаситель явлен человечеству и воцарен на троне в Иерусалиме, Его апостолы – Билл Гейтс и Владимир Соловьев – обретают новую силу. Рушатся прежние жизненные устои, создается мировое правительство, и умирают древние цивилизации, но вопрос Еноха главному герою: «Смотри, кому служишь?» – становится все более и более зловещим. Увлекательный библейский сюжет, тонкий юмор, узнаваемость персонажей и неожиданный финал делают книгу Владимира Соловьева одним из лучших философских романов последних лет.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	27
Глава 5	31
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Владимир Рудольфович Соловьев

Апокалипсис от Владимира

© Соловьев В. Р., 2007

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2011

* * *

Предисловие

«Апокалипсис от Владимира» – не совсем обычный продукт литературного творчества. Определенно, таких книг еще не было и, наверное, никогда уже и не будет. Почему? Потому что не каждый автор осмелится открыто задавать подобные вопросы. Что, если Конец света наступит сегодня? Что, если все, чем вы жили ранее, окажется ненужным, в том числе ваши родные и близкие? Что, если Господь устанет от наших грехов, забыв о любви и всепрощении, и начнет карать неугодных? Какая кара постигнет их и что будет позволено приближенным к Нему? Как поведут себя «сильные мира сего» при появлении Могущества, которое будет им неподвластно? Как приспособиться к новым реалиям изменившегося мира и не оказаться в числе несправедливо осужденных? Как распознать истинного Спасителя и не отдать свою жизнь служению ложным идеалам? Пожалуй, последний вопрос наиболее близок именно российскому читателю, прошедшему чистилище советского режима. Оттого-то главный герой романа и сосредоточен на событиях, происходящих в России, и сам является известным российским журналистом. Служение вновь явленному Христу круто меняет его статус в глазах бывших начальников и подчиненных, да он и сам меняется, борясь с демонами собственного подсознания за право обрести истинную Любовь.

Начавшись с более чем смелого «Евангелия от Соловьева», сюжет претерпевает неожиданные метаморфозы. Если в «Евангелии» мы только познакомились с главными героями романа: с Даниилом – современной реинкарнацией Христа, продуктом новейших биологических технологий и носителем древних библейских традиций; с Биллом Гейтсом – самым богатым человеком планеты и хозяином огромной империи «Майкрософт»; и Владимиром Соловьевым – честолюбивым и правдивым журналистом, всем сердцем поверившим в нового Мессию, – то здесь нам являются их подлинные лица и раскрываются души. Спаситель гневлив, жесток и почти ни слова не говорит о Спасении. Его апостолы – Владимир и Билл, обретая сверхъестественные способности, вторят Учителю, громя всех, ставших на их пути. Президенты и короли покоряются чудовищной силе Даниила, и мир постепенно принимает его в качестве Царя царей. Но дела по спасению мира идут не так гладко, как хотелось бы. Апостолов и самого Даниила одолевают жестокие сомнения в верности выбранного пути, тем более что досаждавшие им еще в первой книге древние пророки Енох и Илия активизируются, собирая под своими знаменами несогласных признавать в Данииле Христа. Все идет к логичному концу, и в конце, конечно, история сделает свой финальный твист, но об этом вы узнаете сами, прочитав обе книги.

Несмотря на то что произведение Владимира Соловьева написано живым и подчас даже «стебным» сатирическим языком, его книгу сложно не воспринимать всерьез. Это не приключенческий роман, хотя остросюжетных и романтических историй в нем немало. Это и не фэнтези, несмотря на то что сюжет книги более чем фантастичен. Это и не библейская литература для законников и богобоязненных верующих, хотя цитат из Священного Писания в ней предостаточно. Это книга-рассуждение: о служении, о собственной судьбе, о судьбе человечества и о будущем, которое, увы, уже не за горами.

Глава 1

Апофеоз безнравственности

«За последние несколько дней я получила множество посланий от наших телезрителей, донельзя возмущенных беспрецедентным телеэфиром, состоявшимся на прошлой неделе. Содержание нашумевшей телепередачи глобального масштаба было настолько необычно, что его крайне сложно вписать в рамки любого из существующих телевизионных жанров. Что это было и кому такое действие понадобилось? Не стесняясь в эпитетах, могу прямо заявить, что откровенно слабая попытка изобразить в прямом эфире подобие Второго пришествия очевидно провалилась.

В погоне за рейтингом все средства хороши. Казалось, что после передач о каннибалах на НТВ, после драк в прямом эфире у Малахова и очевидной пошлости аншлагодобных сборищ у зрителя выработается иммунитет к подобным извержениям тележурналистской мысли, но, увы, я оказалась права – пришел черед спекуляциям на религиозные темы. Нельзя не отметить, что после разогрева зрительского интереса сериалом «Мастер и Маргарита» и всеобщего сумасшествия по Дэну Брауну чего-то подобного можно было ожидать.

Современный клерикализм уже запятнал себя. Громкие скандалы с антисемитскими письмами, поддержанные некоторыми священнослужителями, и провал на выборах в Государственную Думу всех партий с приставкой «христианская» в названии должны были бы стать холодным душем для мракобесов всех мастей, но, видимо, история до сих пор никого и ничему не учит. Вот и на этой неделе все мы стали жертвами борьбы за зрительское внимание, без которой не обходится современная телевизионная жизнь.

На протяжении нескольких дней нас затягивали в этот новый тип мыльной оперы, снятой в эклектичном жанре с использованием хорошо известных трюков. Судя по всему, мир столкнулся с первым международным телевизионным проектом такого масштаба, что все же не делает его более удачным. Напомню нашим уважаемым читателям, как это все происходило. Сначала в жанре репортажа с места событий нам были показаны волнения в Лондоне, в результате которых некий благообразный старец, произнося довольно сомнительные тексты в адрес никому не известного молодого человека по имени Даниил, договорился до активного вмешательства английской полиции. Не берусь утверждать, так как сама там не присутствовала, но просмотр довольно сумбурного телевизионного репортажа с крайне непрофессиональным комментарием поверх текста английского журналиста оставил у меня впечатление, что старец был тяжело ранен одним из офицеров полиции. Причем, что интересно, на помощь ему пришел тот самый молодой человек, который, по мнению фанатичной толпы, и является новым Мессией.

Как и большинство моих коллег, я ни на минуту не поверила во все эти телевизионные чудеса с левитацией и возвращением к жизни умерщвленных старцев. Дешевые трюки, не более того! После уже ставших попсовыми шоу Дэвида Копперфильда нас не так просто ввести в заблуждение. Мысль о том, что мы стали свидетелями нелепого постановочного фарса, не оставляла меня ни на минуту и окончательно укрепилась, когда на вторых ролях нам была продемонстрирована свита юного дарования, состоящая из знаменитого Билла Гейтса и «самого» Владимира Соловьева. Сомневаюсь, что у продюсеров данного шоу хватило бюджета на привлечение самого богатого человека в мире на, с позволения сказать, роль подтанцовки, так что можно с высокой долей вероятности утверждать, что он сам и является организатором всего этого немислимого по своей пошлости проекта.

Роль Владимира Соловьева достойна отдельного обсуждения.

На протяжении всей недолгой телевизионной карьеры Владимира Рудольфовича мои коллеги не раз отмечали его явную манию величия, постоянное выпячивание себя, нежелание прислушиваться к критике и плохо скрываемое неуважение к коллегам по цеху. Все эти качества в полной мере проявились у Владимира на следующий день, когда во второй части этого «сериала» мы стали свидетелями работы мэтра и близкого друга президента нашей телевизионной академии Ларри Кинга, бравшего интервью у Даниила. Необходимо учесть, что журналист масштаба господина Кинга сам по себе уже дает немалые цифры рейтинга, так что для раскрутки Даниила продюсеры проекта сделали очень даже верный шаг. Но как раз в момент проведения этого интервью и проявились в полной мере все комплексы господина Соловьева.

На экране их не было видно, но от глаз опытного критика не укрылись признаки того, что все дешевые трюки вокруг пресловутого интервью были запланированы именно им. Чего стоит одна только массовка из VIPов, согнанная на стадион «Уэмбли», столь напоминающая по режиссуре «Золотых Соловьев» – тщеславный проект Владимира Рудольфовича на канале НТВ, который он теперь перенес на CNN.

Эклектика, вызывающая чувство неловкости! Попытка угодить невзыскательным зрителям! Тут вам и успешно проведенная антитеррористическая операция, и интервью, и покаяние, и научно-технический триллер, ну и под конец воистину голливудский апофеоз – полет над ночной планетой, завершающийся явлением «спасителя» в Иерусалиме. Пошлое заимствование у Шагала и Булгакова! Думаю, всем и так очевидно, что в результате просмотра у несчастной публики должно было сложиться однозначное мнение, будто они присутствовали при явлении Спасителя-Христа-Даниила, а Соловьев и Гейтс – не иначе как его новые апостолы.

Печальное зрелище.

На что рассчитывали создатели сей передачи, мы можем только догадываться, хотя надо отметить, что нас ни разу не отвлекли на рекламу. Перечислю всего несколько фактов, которые вызывают мое возмущение. Во-первых, нас лишили всяческого выбора. Именно во время этого эфира впервые в телевизионной практике использовались доселе невиданные технологические новшества. Все телевизоры были включены дистанционно, зачастую помимо воли их хозяев, и показывали одну и ту же трансляцию по всем каналам, как в далеко не лучшие периоды советского времени. В тех регионах, где еще наблюдаются проблемы с качеством приема телевизионного сигнала, и вовсе были устроены проекционные показы над населенными пунктами.

Масштаб и идеология описываемого зрелища невольно подталкивает к ряду выводов. Нам, гражданам светского государства, чья свобода совести защищена конституцией, навязывают дремучую религиозную пропаганду, упакованную в современнейшие медиа-средства. Тот факт, что в этом спектакле участвовали практически все мировые лидеры, свидетельствует о глобальном наступлении на гражданские свободы, за которым несложно предвидеть и появление мирового правительства.

Приближенность к руководителям данного проекта таких одиозных личностей, как Соловьев, особо и не скрывающего свои тесные контакты с Кремлем, свидетельствует о готовящемся клерикальном наступлении на остатки демократических свобод и в нашей стране. С печалью можно констатировать и тот факт, что «оплот демократии» США не проявил достаточной бдительности, хотя мы еще и не знаем реакции американского народа, ведь президент-республиканец – это еще не вся страна.

И вообще, пусть я и не являюсь большим специалистом в вопросах религии, но мне все это действо напомнило скорее апокалиптические сценарии, чем благостно евангелистские. Хотя крайне вероятно, что все, что мы видели, рано или поздно завершится, как и начина-

лось, – дурной шуткой. Кто знает, вдруг мы просто присутствовали при запуске очередного продукта компании «Майкрософт» – компьютерной игры «Второе пришествие»?».

– Хорошая статья. Мощная, цельная, полная искреннего чувства к тебе! – улыбнулся Билл. Было видно, что ему нравится читать по-русски вслух.

Мы сидели за гигантским столом в президентском номере гостиницы «Царь Давид» в Иерусалиме и разбирали прессу с упоминаниями о нас и обо всем случившемся несколько дней назад. Смысла в этой работе не было никакого, но Даниил посоветовал нам заняться этим лично, не доверяя своим пресс-секретарям. Последние не так давно материализовались из ниоткуда, вкуче с офицерами службы безопасности, водителями, специалистами по связям с общественностью и роем прочих необходимых граждан, слетающих на каждое новое начинание, от которого веет деньгами или властью. Судя по выправке и манерам свиты, часть ее пришла из «Майкрософта», а кое-кто даже из Моссада, что, в общем-то, было неплохо – все-таки в Израиле они ориентируются лучше нас с Биллом.

Подтекст просьбы Даниила был очевиден: сразу после памятных событий, очень схематично описанных в цитируемой Биллом статье, мы пребывали в состоянии хронической эйфории. Свершилось – агнец явлен миру! Как можно в этом сомневаться теперь, когда все мыслимые и немыслимые предсказания сбылись на глазах у всего человечества?! Имеющий глаза да увидит.

Состояние счастья не покидало нас с момента прибытия в Израиль.

В первые часы после явления Даниила миру в Иерусалим устремились толпы паломников со всех концов света. Причем прибывали они настолько активно, что правительством страны было принято разумное решение о временном введении визового режима для всех стран, включая США. Более того, пришлось отменить большинство рейсов в аэропорт Бен-Гурион и закрыть Эйлат для чартеров. В любом другом случае люди в буквальном смысле спали бы на улицах не только столицы, но и всех городов Святой земли. Конечно, исключение пришлось сделать для евреев, вне зависимости от их гражданства, так что консульские отделы круглосуточно выдавали визы гражданам, наконец-то осознавшим всю необходимость совершить алию и прибыть на историческую родину.

Предположение, что появление христианского Мессии не приведет к ажиотажу среди евреев, рассеянных по всему миру, не оправдалось, так что повсеместно начали сбываться розовые мечты черносотенцев – чемодан – вокзал – Израиль. Схема работала безупречно. Именно тогда выяснилось, что многие видные общественные и политические деятели ультранационалистического толка оказались нечисты на бабушек-дедушек и, побросав в котомки кто генеральскую форму, а кто и депутатское удостоверение, устремились замаливать грехи, теперь уже трактуя свою деятельность последних лет как попытку подтолкнуть евреев к скорейшему слиянию в единое целое на Земле обетованной.

Иерусалим в одночасье превратился в столицу мира, и сразу стало ясно, что без строительного бума ему не обойтись. Город рос как на дрожжах: за сутки стоимость квадратного метра преумножалась в разы. Палестинский вопрос стал напоминать скорее удивленный восклицательный знак, поскольку внезапно оказался решен сам собой. Практически в первую же ночь после пришествия Даниила не осталось ни одной палестинской семьи, которая не получила бы коммерческого предложения столь ощутимого размера, сопротивляться которому не было никакого смысла. Создавалось ощущение, что весь палестинский народ в одночасье выиграл в лотерею. За маленькую квартирку в панельном доме отдавали роскошные пентхаусы в любой мировой столице вкуче с машинами и наличными деньгами. Крупнейшие мировые корпорации и завсегдагаи списка самых богатых людей мира платили целые состояния за право оказаться хозяевами собственности на Святой земле. Некоторые горячие головы пытались сопротивляться, но смелость легко проявлять лишь в окружении

себе подобных. Гораздо проще убаюкать себя мыслью о том, что полученные от сионистов деньги пойдут на борьбу с ними же, а время этой борьбы уже не за горами.

Вопреки ожиданиям, финансовый рынок не рухнул – стоимость акций «Майкрософт», впрочем, как и всех других бизнесов Билла Гейтса, взлетела до небес. Не оказался внакладе и Тед Тернер – CNN смотрели, не переключая на другие каналы, и капитализация компании росла сумасшедшими темпами. А вот рынок долгосрочных обязательств действительно оказался под угрозой. Дело в том, что уже никто не рассматривал перспективу в двадцать пять лет как реально осуществимую. В ряде стран особо несознательные граждане зачем-то бросились в магазины скупать предметы первой необходимости, которые быстро закончились. Люди среднего достатка перестали хранить деньги «на черный день» и раскошались на дорогие безделушки, о которых раньше и мечтать не могли. Кубышки были раскупорены, и наличные конвертировались в товар. Торговцы пытались встретить возросший спрос с помощью дополнительных заказов, но выяснилось, что европейские поставщики ушли в отпуск, так как их рабочие предпочитали проводить время в церквях. Зато азиатские фабрики с радостью принимали возросшие заказы, – для них явление Даниила было не более чем забавным происшествием из жизни молодых наций.

Конечно, смели с книжных прилавков Библии, книги Билла Гейтса и всю печатную продукцию, имеющую хоть какое-нибудь отношение к религиозной тематике. Проявил сноровку Тед Тернер, который, особо не мучаясь моральными дилеммами, уже на следующее утро запустил в продажу на всевозможных носителях запись теперь уже исторической передачи. Не хочу бросать тень на брата Билла, но за несколько дней до событий «Майкрософт» потратил сумасшедшие деньги на приобретение собственности в самом Иерусалиме и его окрестностях. Надеюсь, что это произошло помимо его воли, ведь теперь у него уже нет нужды таким образом зарабатывать себе на хлеб насущный.

Скажу сразу, что Даниила мы видели не много. Правительство Израиля предложило ему любую резиденцию на его усмотрение, но он, отказавшись от всех предложений, временно пребывал в Гефсиманском саду, никого не принимая. Попытки зевак проникнуть к нему были тщетны, так как его круглосуточно охраняли представители спецслужб.

В первые часы наши с Биллом телефоны раскалились добела от звонков президентов и приближенных к ним лиц. Было всего два исключения – ни Буш, ни Путин не звонили. После первых слов поздравлений шли вопросы о дальнейших указаниях и заверения в готовности немедленно воплотить их в жизнь, а тут мы вынуждены были брать паузу. Наше апостольское мнение было единодушным: Даниил выступит перед человечеством с проповедью, ну а дальше по распорядку – выделяем приемные часы, и давай судить всех подряд.

С этого момента стройность нашего плана терялась, поскольку было не до конца понятно, где и кого нам предстоит судить, да еще и мешали неприятные вопросы с уже умершими. Как их приводить к судебному разбирательству? В каком виде? Или что, по городу будут передвигаться мощи, устремляясь к месту Страшного суда, а оттуда уже или в Геенну огненную, или в Рай? Кстати, в Рай в таком виде вообще пускают? Опять же, стоит вопрос с большим количеством стран, не имеющих никакого представления о христианстве, как с ними поступать? Сначала крестить всем скопом и проповедовать истинное учение, а потом судить? Да еще и мусульмане. Они, конечно, к Христу относятся с некоторым уважением, но все же недооценивают. Их что, тоже крестить? Так ведь они так просто не дадутся, а насильственное крещение нам не кажется правильным.

Вот с иудеями все получается само собой. Их пока все устраивает. Главное – решился палестинский вопрос. И их, конечно, не может не радовать, что Даниил гражданин Израиля, да и превращение Иерусалима в столицу мира полностью соответствует иудейским представлениям о роли евреев в истории мировой цивилизации. Кроме того, благодаря довольно вольному трактованию Кумранских свитков религиозные лидеры иудеев пришли к выводу,

что Христос считал себя правоверным иудеем, а построение христианской церкви и конфликт с иудаизмом лежит на совести Петра и Павла. Так что спешить с выводами не стоит, а воцарение в Иерусалиме и собрание на Земле обетованной всего разбросанного по планете богоизбранного народа не может не вызывать уважения. Того и гляди найдутся потерянные до этого колена родственники детей Израилевых. Даниил, по сути, оказался царем евреев в Иерусалиме, хотя об этом еще никто вслух и не рассуждал.

Откровенно говоря, мне весь этот праздничный угар даже нравился. Первое время я пытался понять, как мне теперь нужно себя вести, как одеваться и все прочее, но в итоге решил особо на эту тему не грузиться. Привычный стиль менять неправильно, тем более что теперь уже, пожалуй, все будут ориентироваться на нас. Можем даже на паях с Биллом открыть Дом моды «2 апостол 2» – мода на все времена. Какая чушь в голову лезет?! А с другой стороны, что с меня взять? Ценных указаний я не получал, что говорить страждущим – не ведаю, так что только на пустяки и могу размениваться. Кто же мог подумать, что после такого успеха Даниил всем скажет: «Придет время, и обращусь к вам, а сейчас с Отцом моим наедине оставьте меня!» – и уединится в Гефсиманском саду, лишь изредка выдавая нам оттуда довольно сомнительные поручения.

Итак, нас с преподобным Биллом поселили в президентских номерах отеля «Царь Давид» и оставили на хозяйстве. Общением с Самим мы были обделены, но указания от него изредка получали. Правда, если до этого они были скорее хозяйственного толка, то теперь вот это – ознакомиться с прессой негативного содержания. Зачем? У меня и так нет никаких иллюзий. Я за половину наших критиков сам могу сказать все, о чем они только собираются подумать. Конечно, можно предположить, что Даниил таким образом воспитывает в нас христианское смирение, хотя, позволю себе крамольную мысль, сам не всегда служит его примером. Бедный английский премьер до сих пор страдает легким заиканием после демонстрации божественной силы. Так что вряд ли все так просто.

Пока я предавался праздным размышлениям, Билл продолжал просматривать газетные страницы разных цветов и форматов, по мере возможности сброшюрованные в папки с названием стран на обложке. Наверняка товарищу Гейтсу такая работа с информацией казалась на редкость средневековой, ведь кому как не ему можно было задать параметры поиска какому-нибудь Yahoo – Google и заниматься тем же, не пачкая руки о типографскую краску и не ломая глаза о непривычные шрифты. Но Даниил отчего-то решил по-другому.

Если логика в таком задании и была, то она определенно проживала не в нашей с Биллом системе координат, где компьютер однозначно удобнее писчебумажных принадлежностей. Хотя должен признать, что далеко не все издания попадают в обзоры поисковых систем, а некоторые газеты вообще не выходят в электронных версиях, так что могут запросто выпасть из поля нашего просвещенного зрения.

Статья, привлекавшая внимание Билла, по сравнению с написанными в других газетах-журналах была совсем неплоха, а кроме того, в ней четко прослеживалась общая тенденция всех изданий либерального толка: недоверие к действующей власти, попытка во всем увидеть проявление авторитарных тенденций и наступление на оставшиеся демократические свободы. Российские националистические газеты были гораздо резче. Звучали призывы к восстанию, Даниил назывался не иначе как царем жидомасонов, президенты всего мира – его преданными вассалами, а Путин – ставленником мировой закулисы, который скоро отдаст Россию на съедение алчным детям Сиона. Эпитеты в мой адрес не поддаются цитированию в принципе.

Особенно меня порадовала одна английская газета, издаваемая мусульманским братством. На ее страницах в приторно-розовых красках повествовалось о погибших при попытке организации теракта. Неудавшиеся исполнители подрыва мировых лидеров представляли скромными тружениками, оказавшимися невинными жертвами испытания нового

оружия. Их семьи, причитая, рассказывали настолько трогательные истории из жизни, что у читателя складывалась стопроцентная уверенность, будто бы речь идет не о бандитах, а о добрых, мирных и законопослушных гражданах Великобритании, единственной виной которых служит их вера в Аллаха. И, конечно, у журналистов не вызывал никакого сомнения тот факт, что взрывчатку и оружие к останкам жертв подбросили спецслужбы.

Желтые газеты разных стран мира пестрили фотографиями с экрана, отражавшими наиболее яркие моменты тернеровской передачи, и наперебой пытались доказать, что никаких чудес не было, а был лишь довольно грубый монтаж. Разумеется, не обошлось и без откровений никому до этого не известных дамочек об их любовной связи с Даниилом, Биллом и мною, причем одна из них даже созналась, что кувыркалась со всеми одновременно. Кто-то из наших попытался взять интервью у моей мамы и детей, но родственники повели себя очень грамотно и от комментариев отказались. Я поймал себя на мысли, что ищу интервью с Эльгой, но, видимо, так глубоко журналисты не копали.

Ну вот, подумал о моей любимой, и сердце привычно защемило. Звонить пока рано, я не смогу ответить ни на один ее вопрос, а мучить себя и ее пустыми обещаниями бессмысленно. С мамой я, конечно же, поговорил по телефону сразу после известных событий, сказал, чтобы она не волновалась и что, как только будет возможность, я ее заберу, но ведь с Эльгой так не получится. Мама всегда мама – другого сына вместо меня она не заведет, а здесь любовь. Да к тому же, что я про свою Дульсинею знаю? Конечно, учитывая апостольские возможности, стоит лишь сосредоточиться – и все тайное станет явным, но вправе ли я так поступать? А вдруг у нее семья, а я так – интрижка, эпизод бурной молодости? Вот позвоню сейчас ей домой, а к трубке подойдет приятный баритон – убеждай себя потом, что это брат-сват.

Не могу, не хочу отказываться от иллюзий. Пусть все откроется вовремя. Сейчас я просто не смогу контролировать свои эмоции и издалека наворочу такого, что никакое апостольское звание не выдержит. Стоит мне только допустить мысль о том, что мое солнышко в чужих объятиях, как во мне тотчас зарождается смерч, такой черный, что даже меня это пугает. Чувствую, что достанется всем: сотру в порошок, уничтожу, растопчу! За то, что оказалась недостойна меня – богоизбранного и призванного.

Все, надо успокоиться, ведь еще ничего не известно! Сам себя накручиваю, придумываю всякую чертовщину, прямо бес какой-то, а не апостол. А что, даже если и бес? Так-то, пожалуй, еще веселее. Вот уж будет где порезвиться! С моей-то фантазией я так нашкодить смогу, что никакая армия ангелов со швабрами наперевес и за тысячу лет порядок не наведет.

Хватит чудить!

Я не на шутку рассердился на себя. Какой позор! Что за мысли?! Вместо того чтобы заниматься делом, тешу себя игрой со злом, как подросток спичками. Ну вот, все ведь не случайно, наверняка кто-то подсовывает мне такие мысли, чтобы я потерял концентрацию. Я невольно покосился на погруженного в чтение Гейтса. Однако Билл был сама невинность и мои мысли наверняка слушал вполуха. Я взял в руки очередную газету. Среди кучи одинаковых статей я чуть было не пропустил, пожалуй, самую важную – небольшую заметку о состоянии здоровья Еноха. Оказывается, старик самовольно сбежал из больницы в Лондоне, и английская полиция теперь никак не может напасть на его след.

Что-то подсказывает мне, что с этим ветхозаветным старцем нам еще предстоит поговорить.

Покончив с российской прессой, Билл с интересом стал просматривать американские газеты, из озвученных цитат которых мне стало ясно, что у него на родине уже образовался целый ряд крупных поселений, объявивших, что отныне они живут в полном соответствии с Писанием и признают власть только одного правителя – Даниила. То есть никакие светские власти им отныне не указ. К инициативе американцев постепенно присоединялись жители

других стран: так, в Мексике, на Филиппинах и в Ирландии уже можно было говорить о назревающем конституционном кризисе. Конечно, прошло не так много времени с момента явления Даниила миру, но уже явно прослеживались предпосылки для появления теократических христианских правительств в еще не так давно светских демократических государствах.

Стиль письма не оставлял сомнения в том, что Билл цитировал «Вашингтон Пост».

– А заголовок? Наверняка что-нибудь патетическое, например, «Конец демократии»? – Я не удержался от язвительного замечания, хотя поймал себя на мысли, что название не так уж далеко от истины. Билл отложил газеты и очень внимательно посмотрел на меня. В воздухе повисло звенящее напряжение – не к добру такие взгляды.

Не могу сказать, что наши с Биллом отношения складывались безоблачно, ведь времени узнать друг друга поближе не было. Служение крайне быстро втянуло нас в контакт, превратив в подобие частей неидеально работающей машины – зубчики совпадали, но не более того. Мы не превратились в единое целое, отчего порой в механизме вспыхивали искры.

Сам факт того, что я оказался призван Даниилом чуть раньше, автоматически повышал меня в божественной табели о рангах, и это крайне беспокоило Билла. Ведь что ни говори, а Гейтс сыграл во всей этой истории роль куда существенней моей: и с Папой Римским мы благодаря ему встретились, и Тед Тернер его знакомец, да и сам Билл в списке самых богатых людей мира под номером один давно обосновался, а я так, второй миллиард замыкаю. Кроме того, упоминания Билла и его матушки относятся к одним из наиболее часто произносимых на планете. Если угодно, то в размерах отдельно взятого киберпространства Гейтс и есть Создатель. Ну, а тот факт, что мы можем легко читать мысли друг друга, отнюдь не облегчает задачу взаимного понимания. Уж больно разнятся системы базовых ценностей и традиции воспитания.

Хотя, что с того? Да он даже «Двенадцать стульев» не читал! Темнота. Я уже не говорю про «Мастера и Маргариту». К тому же только закоренелый американец может надевать белые брюки, синий блейзер, розовую рубашку-поло и черные ботинки. А после этого еще и иметь наглость спрашивать у окружающих об их настроении, не понимая, что сам вид такого орла-дальтоника уже портит картину мира на ближайшие пару часов.

Моя последняя мысль совсем не понравилась Биллу. Он прервал разглядывание меня тяжелым вздохом, встал со стула и подошел поближе. Достав из кармана брюк очки, он старательно протер их, нацепил на нос, поморщился и, вернув очки в карман, устало помассировал пальцами брови. Прodelав все эти манипуляции с давно не нужной ему оптикой, Билл продолжительно посмотрел на меня. Со значением. Так смотрят на любимого, но глубоко больного родственника, навсегда отставшего в своем умственном развитии от нормального хомо сапиенс.

– Дорогой брат, – сказал Билл, – порой мне кажется, что цель нашего знакомства, кроме очевидной апостольской, еще и в воспитании во мне смирения, так как степень твоего ехидства никак не соответствует всей серьезности нашего служения. Редкая же ты язва, Владимир! Понимаю отношение к тебе твоих телевизионных коллег. Неудивительно, что в моем лице они нашли заступника.

Билл снова достал очки, повертел в руках и вернул на место.

– Возвращаясь к твоей шутке о конце демократии, – продолжил он, – должен заметить, что для меня это вопрос очень серьезный. Я бы даже сказал – фундаментальный. Ведь самосознание нашего народа строится на незыблемости демократических принципов. Как это часто бывает с постулированными ценностями, мы предпочитаем не задавать себе вопрос о том, что это такое и возможна ли действительная демократия для каждого. Такого рода размышления от лукавого. Конечно, любое человеческое общество несовершенно, но даже

мой личный пример доказывает действенность нашего образа жизни. Я ведь добился всего сам, так что наша система ценностей работает. Навязывая в зубах фраза Черчилля о том, что демократия плоха, но все же это лучшая из существующих государственных систем, на протяжении веков подтверждалась практикой. За последние десятилетия демократия являлась по своей сути мировой религией. Во имя демократических свобод начинались войны и перекраивались государственные границы. У демократии были и есть свои апостолы и боги, своя церковь и свой Вселенский собор. Даже свой язык – столь ненавистный тебе политически корректный. Если угодно, то демократия в системе ценностей стала выше любой религиозной догмы, во многом изменяя ее и даже вступая с ней в прямой конфликт. Выросшая из упрощенных христианских добродетелей, демократическая вера переросла в отрицание своего родителя, во многом повторив отношения между иудаизмом и христианством. И не случайно, что именно в последние годы стал заметен прямой конфликт между базовыми ценностями религиозными и светскими. Посмотри, как активно требуют от Ватикана признания права гомосексуалистов на церковное служение, разрешения на аборты, презервативы, равноправия женщин, причем требуют все жестче и наглее. Здание католической церкви, теперь уже благодаря нам, окрепло, но ведь еще недавно оно трещало по швам! И ты думаешь, что вот сейчас, в одночасье, все возьмут и одумаются? Признают, что не только они, но и их родители, и родители их родителей, и даже, страшно сказать, отцы-основатели, заблуждались?! Здесь, дружок ты мой, все не так просто!

Лицо Билла заметно покраснело, и он начал расхаживать по комнате взад-вперед.

– Протрут американцы глаза, – говорил Гейтс, размахивая руками так, будто дирижировал оркестром собственных мыслей, – подумают денек-другой и решат, что телевидение по обыкновению врет и что вот сейчас пойдем все на выборы и проголосуем, кого считать апостолом и кого Мессией. А даже допустить мысль о том, что Даниил не американец, унизительно! Конечно, наличие меня в «святой» тройке несколько смягчает ситуацию, но тот факт, что надо мной какой-то русский, превращает все в фарс. Так что, Владимир, не обойдется наша с тобой работа без активных военных действий, что лично на меня навеивает уныние.

– Не грусти, старик, – парировал я. – В конце концов, это ведь вы считаете себя возлюбленной Богом нацией. У вас же каждый доллар Господа помнит, он весь в масонских знаках, как харя алкаша в склеротических прожилках. Демократия демократией, но одни ваши евангелисты чего стоят! Да и мормоны и всякие прочие блаженные, они-то ведь хоть какое-то значение да имеют. И весь Голливуд ваш как с наркоты срывается, так сразу в какую-нибудь веру впадает: Мадонна – уже Эсфирь, у нее весь дом в каббалистических веревочках, последняя надежда оттянуть приход климакса. Может, все-таки вы не настолько втемяшились в демократию? У вас негры до середины шестидесятых в правах поражали, а это ведь не так давно было. И большинство мусульман у вас черные. Билл, может, ты преувеличиваешь? Сейчас проведем пару сеансов в Штатах, сотворим чудеса, излечим всех от СПИДа и рака, и народ поверит. Куда он денется?!

– Поверит?! Во что он поверит? Что Мессия – еврейский мальчик с мамой из России?

– А в чем проблема? У вас весь Голливуд такие основали, да и с Гершвином точь-в-точь такая же история.

– Да, – взвился Билл, – но они расцвели благодаря Америке! Став законопослушными гражданами, доказав своей жизнью верность базовых ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ постулатов. А теперь все по-другому!

– Дорогой брат, – ответил я, – не волнуйся. Все же не наша задача нести мир, мы принесли меч. Время не убеждать, а судить. И если кто-то собирается упростить нашу задачу, выступая против Мессии, срывая с себя маски и представляя в истинном сатанинском облике, то это их проблема. И результат этой битвы заранее предreshен. Вспомни Лондон – мы победители! Енох небось зализывает раны уже где-то под Урюпинском.

– А почему ты решил, что старики не правы? – вспыхнул вдруг Билл, размахивая перед моим лицом надоевшими уже мне очками. – Ведь все, что они говорят, есть в Писании, вплоть до их собственного существования. И именно Енох и Илия, ветхозаветные патриархи, должны прийти на битву с Антихристом и пасть от его руки. Или что, будем делать вид, что не умеем читать и вся апокалиптическая литература прошла мимо нас?! Так вот, не поленись, набери в Yahoo – «конец света». Сразу убедишься, что Даниил скорее всего не Христос, а Антихрист!

Билл сорвался на крик. В процессе беседы он распалился настолько, что по его пухленьким щечкам побежали алые пятна, лоб покрылся испариной, и стало казаться, что скоро у него закатятся глаза и рот изойдет белой пеной. Чтобы остановить его истерику, я подошел к нему и подул прямо в рот, как это иногда делают родители, чтобы успокоить расплакавшихся детей. От неожиданности мой расвирепевший брат растерялся и на миг замолчал, после чего вдруг громко рассмеялся. На глаза ему навернулись слезы. Он в изнеможении оперся об стол, и я еле успел подставить стул, чтобы Билл не рухнул на пол.

Я осторожно начал:

– Понимаю, Билл, кризис среднего возраста! Не хочу тебя обижать, старик, но у меня он уже был, так что, извини, мысли твои мне близки и понятны. Начнем по порядку. Литературу читали все, с грамотностью проблем нет, только с чего это ты решил, что ей можно верить? Подумай сам, на поляне жизни всегда происходило постоянное столкновение сил добра и зла, причем зло с завидным постоянством побеждало. И при этом мы с тобой должны слепо верить в то, что весь мир сходил с ума, но продолжал писать, читать, а главное, сохранять в веках истинные знания?! Тот факт, что дьявол есть, для нас с тобой очевиден. Что он глубоко проник в церковь, общество и культуру, – сомнений не вызывает. Так почему же ты считаешь, что и литературу о Втором пришествии он тоже не отредактировал? Почитай любые тексты того времени – они же все только о политике тех дней. Просто страшно было получить по башке, вот и использовался эзопов язык, понятный тогда всем читателям, но ужасно таинственный для нас сегодня. Или ты на полном серьезе считаешь, что со дня на день все начнется по Иоанну Богослову, написавшему полный бред, черт-те когда, – простите, вырвалось, – и неясно, зачем? Да ты сам, если дури курнешь, и не таких зверей из моря повытаскиваешь! А так как ты великий Билл Гейтс, то потомки разглядят в этом тайный смысл, что они уже и так сделали с твоими марзматиическими сочинениями доапостольской поры.

Глаза Билла угрожающе округлились.

– Шучу-шучу, дорогой брат! Хотел проверить реакцию, а то ты совсем в транс впал. А тут вот и румянец сошел, и взгляд стал злобно-осмысленным. Любишь свои книжки, ну и люби! Должен ведь хоть кто-то к ним хорошо относиться.

Я довольно усмехнулся, чувствуя, как Билл постепенно сникает под натиском моих аргументов.

– Кхм, итак, – откашлялся я, делая вид, что поправляю концертную бабочку, – продолжаем наш сеанс психотерапии для уставших апостолов и архангелов! Причем заметьте, уважаемый бизнесмен от Бога, совершенно бесплатный сеанс, что в корне противоречит моей журналистской сучности! Ой, простите, конечно, «сущности», что орфографически верно, но по сути неточно. Хватит истерить, братец Билл! Все, что было до нас, добром не назовешь, а то, что мы за пять минут верхушку Аль-Каеды прищучили, – уже добро. Кстати, патриархальных старичков мы не трогали, и не мы Еноха уважаемого пытались жизни лишиться, это он нас камешками порихтовать хотел. И вот тебе последний и убийственный аргумент – а какая, собственно, разница, кто есть мистер Даниил? Ну предположим, что он Антихрист, что это меняет? Да нет таких злодеяний, которые не совершили бы люди над себе подобными за пять с лишним тысяч лет истории. Ничем уже нас не проймешь, даже за недолгую

телевизионную историю уже все возможные злодеяния свершились в прямом эфире, послужив высокой цели роста рейтингов и удорожания рекламного времени в нашем дьявольском бизнесе. А если все-таки Даниил не тот, за кого мы его принимаем, так и вовсе никаких проблем. Значит, пройдет некоторое время и явится настоящий Спаситель, и Даниил окажется предтечей его. А следовательно, и наша с тобой роль исключительно положительная, ибо без предтечи не будет и Спасителя. Не мы с тобой писали этот вселенский сценарий, но если эти роли, замечу, заглавные роли, отведены нам с тобой, то уж давай соответствовать. А ответ мы узнаем в самом конце программы. И даже если он нам с тобой не понравится, то, по крайней мере, удовольствие от работы, с учетом наших возможностей, можно получать безграничное, вплоть до оказания помощи нуждающимся. Билл, ау! В этом месте от тебя требуется улыбочка понимания.

На мою фразу Билл не ответил, так как его взгляд был прикован к надписи, огненными буквами проступившей в воздухе прямо за моей спиной. Я даже чувствовал некоторое тепло, поскольку в сотворении указания принимали участие и белый, и черный огонь. Я обернулся – приказ был четким и не подразумевал задержки в исполнении. Подписи под ним не было, но у меня не возникло никакого сомнения в том, что такого рода телеграмму может позволить себе только один отправитель. Мы с Биллом бросились вон из номера, и, как только дверь за нами закрылась, надпись исчезла, не оставив запаха серы. Сторонний наблюдатель и без знания арамейского догадался бы, что приказ гласил: «Срочно ко мне!»

Глава 2

От гостиницы до Гефсиманского сада путь недолгий, можно было бы рвануть напрямую через старый город, но как это часто бывает, ближе не всегда значит быстрее. Тем более что после событий последних дней наши перемещения в пространстве перестали быть непринужденными. Это пару лет назад я мог спокойно передвигаться по Иерусалиму. Тогда меня лишь изредка останавливали милые интеллигентные люди, на всякий случай прихватив за рукав, чтобы выяснить, надолго ли я приехал, да и вообще.

– Ой, это вы? А я так и думал, хотя на экране вы и старше, и ростом выше... Ну ничего, хорошо, что вы приехали, а то здесь такое творится! Вы хоть расскажите им там, что все равно ехать надо.

Теперь о нас с Биллом знала каждая собака, и в любом месте, где появлялись мы, избранные, сначала, как сухие листья, гонимые мощным порывом ветра, пробегали охранники с проводками в ушах, профессиональными взглядами, устремленными в никуда, сканируя пространство. Эти безобидные рыбки-лоцманы предвояли следующий за ними пульсирующий сгусток темных костюмов с оттопыренными «глоками» пиджаками. И только потом шествовали мы, правда, не пешим ходом, а в машине.

Мне все это было неприятно. Даниил мог преспокойно переместить нас в пространстве или же просто явиться пред наши очи, а вместо этого он опять почему-то предпочел действовать по старинке. Что ж, Ему виднее, парадный выезд, так парадный выезд. Хоть охранники разомнутся. Все равно скорость наших с Биллом передвижений такова, что они могут в ритме легкого вальса бежать рядом с машиной. Представляю, каких усилий стоило передовому отряду господней СБ рассеять толпу страждущих. Зато телевизионщики ожили – появилась работа! И вот уже идет прямое включение из Иерусалима: нас передают от камеры к камере и комментаторы делают предположения как о конечной точке, так и о возможной цели нашего визита.

А все-таки Господь хорошо позаботился о своих детях – погода в городе прекрасная, виды просто замечательные. Хотя народец шумный. Несмотря на охрану, на нашу машину периодически кидаются отдельные несознательные граждане с просьбами об исцелении и явлении чуда. Э, нет, ребята, вы путаете акты комедии. Это вначале мы были чудотворцы, теперь-то судить будем. Ну, а зачем всех излечивать, если после вынесения приговора и так все станет ясно? А то вдруг вылечишь кого, а ему в Ад – неловко потом будет. Или здоровому больнее мучиться? Но тогда это вообще не по-христиански как-то. Или вот излечишь его, а он на радостях пойдет и согрешит, тем самым испортив себе биографию, да и попадет вместо Рая совсем в другое место. А так – страдание очищает...

Нет, я не жмот, мне чудес не жалко. Если б не цейтнот, то шоу устроил бы – будь здоров. Прямо здесь, на крыше машины. Ноги врозь, на ширину плеч, руки, выпрямленные в локтях, вперед, ладони перпендикулярно поверхности земли:

– Потянулись! Вдох-выдох, вдох-выдох, начинаем апостольскую гимнастику! Теперь руки вверх, выше-выше-выше – тянемся, тянемся, тянемся. На мысочки не встаем!

Получили энергию – и резко руки вниз, направляем на толпу страждущих: хватайте, родненькие, божественного света, сколько ваши сосуды готовы принять. Мне не жалко. Сбросьте с себя оковы прошлой жизни, грешники, да возродитесь к жизни вечной. Станьте теми, кем всем вам самим Создателем суждено быть, пока не поздно. А то хуже будет...

Билл усмехнулся:

– Мне эта часть нравится – возродитесь из кокона в бабочку!

– Ну еще бы, – улыбнулся я в ответ, – тебе вообще бабочки нравиться должны. Бабочки-бабешки порой бывают очень даже ничего!

Билл так густо покраснел, что я поспешил его успокоить:

– Да не волнуйся ты так! Считаю просто, что нашел еще один путь проникновения света к страждущей душе. Если сам заморачиваться не будешь, то и проблема большой не станет. Надеюсь, не все из этих таблоидов правда?

Билл покраснел еще сильнее, но выдал из себя ответ:

– Конечно, как ты только мог подумать?..

– Понятно. То есть, к счастью, они еще не все раскопали. Да успокойся уже! Раз уж судишь ты, а не тебя, значит, раскаяние твое было принято.

Машина остановилась. Кто-то услужливо открыл дверь, избавив Билла от необходимости продолжать беседу на столь скользкую тему. Мы оказались за кордонами охраны, отделяющими территорию Гефсиманского сада от муравейника современного Иерусалима.

Здесь пели птицы и приятно пахло чем-то неуловимым. Это был не церковный запах ладана, а скорее фимиам, хотя я и не имею ни малейшего представления о том, что это такое. Сад довольно значительной площади занимал весь склон Масличной горы. В глубине сада примостилась часовенка, но главной достопримечательностью этого места была не она, а деревья! Этим молчаливым свидетелям истории было, конечно, не две тысячи лет, но уж точно по нескольку сотен, так что генетическая память о трагических событиях предыдущего пришествия у них определенно была. Должно быть, благодаря резкому переходу от суеты гостиницы и салона автомобиля к открытому и живому пространству у меня возникло ощущение прозрачной нереальности. Будто бы я ехал в лифте, долго-долго, и думал, что сейчас попаду на этаж с невысокими потолками, а двери распахнулись – и вот я стою в гигантском киношном павильоне. Да в таком, что голову вверх до боли в шее закинул, а потолка так и не видно. И воздух такой плотный и вкусный, что надышаться не можешь...

Мягкая трава, высокое, прозрачное, пронзительно голубое небо. Узловатые, старческие, выцветшие ветви масличных деревьев, покрытые молоденькими зелеными листочками. В глубине сада среди растительности виднелся шатер, в котором обосновался Даниил. Должно быть, именно в таких шатрах и Авраам, и Моисей проводили долгие годы в размышлениях над судьбами человеческими. Наша машина медленно вернулась за линию охраны, и мы уже без сопровождения охранников двинулись в сторону шатра.

Стучать не было необходимости – полог был приветственно откинут. Не успев приблизиться к шатру, мы увидели Даниила, выходящего нам навстречу. Я не видел его уже дней пять и не был уверен, в каком настроении его застаю. Когда он стоял на Храмовой горе, в лучах славы, лик его светился и был он столь величествен, что я испытал робость в душе, ибо предстал перед нами Царь царей. Сейчас царственность осанки сохранилась, но в выражении лица появилось что-то новое. Даниил все-таки моложе меня, и не на пару лет, потому в моем отношении к нему есть и забота старшего, пусть и только по возрасту. Я отношусь к нему как к брату, который намного талантливее меня, что отнюдь не является предметом ревности, а наоборот, служит источником счастья и гордости. Так вот, на лице предмета моей гордости я заметил следы волнения и бессонных ночей. Даниил выглядел вымотанным, бледным и изможденным.

– С тобой все в порядке? – спросил я.

Даниил попытался улыбнуться, но у него это не получилось. Он обнял меня, потом Билла и, не ответив на вопрос, проводил нас в шатер, пол которого был устлан коврами и подушками. Я по привычке искал глазами компьютер и, не найдя никакой электроники, понял, что ее нахождение здесь было бы по крайней мере странным – от Даниила и так ничто не может укрыться. По той же причине телевизора здесь тоже не было. Мы с Биллом уселись на подушки, и Даниил налил нам чаю из маленького чугунного чайника в довольно грубые глиняные пиалы. На невысоком столике в простой тарелке лежали фрукты, но было видно, что лежат они там не первый день и к ним никто не прикасался.

Совершенно не вовремя зазвонил мой мобильник. Я посмотрел на Даниила, он усмехнулся глазами и сказал:

– Ответь, все-таки это твой президент! И потом он собирается сообщить тебе известие, ради которого я вас и позвал.

Я достал из кармана выцветших джинсов трубку и нажал зеленую кнопку.

– Владимир Рудольфович! – Голос президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина звучал жестко и четко, как у руководителя спецоперации, отдающего указания своим подчиненным. – Вам необходимо, не задавая дополнительных вопросов и не тратя время на сборы, немедленно покинуть здание гостиницы, отойдя от него как можно дальше. Так как господин Гейтс находится рядом с вами, то он должен последовать вашему примеру. Я свяжусь с вами через десять минут, когда вы будете находиться на некотором удалении от объекта. Прошу вас, выполняйте немедленно!

– Владимир Владимирович, я не нахожусь в отеле. Полчаса назад нас вызвал к себе руководитель. – Я не без ехидства назвал Даниила именно так. Думаю, что ни ему, ни президенту это не понравилось. – И сейчас мы у него.

– Рад! – ответил Путин. – Последняя информация о вашем расположении поступала час назад.

– А что случилось? – поинтересовался я.

– Ничего особенного, Владимир Рудольфович, простой теракт. Думаю, что если вы недалеко, то и звук услышите через пару минут. Мы получили информацию от своих источников, что в гостинице готовится теракт, направленный против вас с господином Гейтсом, а чуть позже по старому городу и Гефсиманскому саду будет нанесен массированный ракетный удар, причем боеголовки будут атомные. Удар последует с территории Ирана, который уже давно заявлял о своей готовности окончательно решить еврейский вопрос. Конечно, мы можем оказать некоторую военную помощь. Когда я говорю «мы», я имею в виду своего американского коллегу – у нас состоялся телефонный разговор несколько минут назад, и совместным решением было сначала связаться с вами.

– А зачем вначале взрывать гостиницу, а уже потом наносить атомный удар? – спросил я, ошарашенный «приятной» новостью.

– Хороший вопрос! Должно быть, они сомневаются, что смогут преодолеть силы Даниила, а может, хотят использовать разнообразные подходы к проблеме. Диверсификация рисков, знаете ли, что-нибудь одно да сработает. А то ведь ракета все-таки некоторое время летит, да и опыт обстрела Израиля с территории Ирана всегда был не особо удачным. К тому же таких мощных игроков, как ваша троица, лучше истреблять порознь. Так проще! – Президент ухмыльнулся. – Да, кстати, спросите у господина Давида, нужна ли ему помощь в выяснении отношений с Ираном?

Последние слова Путина заглушил гулкий, ухающий звук мощного взрыва. Земля вздрогнула, и за старым городом, на том месте, где должен был стоять отель, вверх устремилось злое, темно-серое облако пыли. Даниил вышел из шатра и с печалью посмотрел на Иерусалим. Из города донеслись звуки сирен «Скорой помощи» и пожарных машин, а в клубах пыли появились огненные всполохи. На месте взрыва начался пожар. Судя по всему, заряд террористы использовали огромный – пытались действовать наверняка. Я заметил, что по-прежнему держу телефон в руке. Связь не прервалась.

– Владимир Владимирович, только что произошел упомянутый вами теракт, – мрачно констатировал я.

– Это я слышал, Владимир! Мне очень жаль, что все так начинается. Тем не менее вас ждет еще более страшная угроза! Спросите немедленно господина Давида, нужна ли ему какая-либо помощь с нашей и американской стороны, чтобы разобраться с Ираном?

Не опуская трубку от уха, я повернулся к Даниилу – он отвлекся от вида города и посмотрел на меня. Я ожидал, что на лице его отразится печаль и тревога, но он был на удивление ироничен. Подмигнув мне, он сказал:

– Какие все-таки смешные эти президенты! Ну зачем задавать детские вопросы, если они еще восемь часов назад привели в состояние боевой готовности все необходимые средства и готовы немедленно нанести превентивный удар по пусковым установкам противника, а заодно и по реактору, а также по всем основным стратегическим объектам Ирана. При этом уже договорились и о послевоенной судьбе государства, и о нефтяных интересах.

Даниил улыбнулся и очень хитро посмотрел мимо меня на телефон, как будто заглядывая через аппарат в глаза Путину.

– Господин Президент, – сказал он, – ведь вам так хочется поиграть в войнушку, да еще и совместно с вашим другом Джорджем. Так не отказывайте себе в удовольствии!

– Насколько я понимаю, это значит «да»! – услышал я голос Владимира Владимировича, и связь прекратилась.

Не знаю, что поразило меня больше – первый теракт и, очевидно, первые жертвы Новой эпохи, или то, как равнодушно ко всему этому отнесся Даниил. Я почувствовал себя обманутым, и у меня на глазах стали наворачиваться слезы. Чем провинились несчастные работники гостиницы? Что сделала та милая девочка на рецепции с открытым выражением радостного удивления на лице, удивительно напоминающая мою дочь? А смешной толстенный портье, да и все те люди, которые просто оказались постояльцами этой злосчастной гостиницы? И чем провинились их близкие, ведь теперь навсегда этот день будет проклят в их памяти? И никакого значения не имеет тот факт, что это «навсегда» уже почти завершилось. Что сможет оправдать мучительную боль потери, надежду, что среди погибших нет их близких, и леденящий ужас опознания останков тех, кто еще совсем недавно был смыслом их жизни?

Зачем ждать прихода Спасителя, если он не останавливает зло и не исцеляет этот мир? Неужели так трудно было предупредить не только нас, но и их, да и в конечном итоге просто повторить чудо «Уэмбли» и уничтожить террористов?! Ведь весь этот ужас и атомная угроза со стороны Ирана – только из-за нас. И почему им понадобились Билл и я, а не Даниил, чем провинились мы?

Я повернулся к Даниилу. В моих глазах было столько ненависти, что он невольно отпрянул:

– Владимир, ты хочешь ударить меня?

– А это что-то изменит? Вернет к жизни невинно павших? Или ты опять ответишь фразой из Писания?

– Отвечу! Сбылось слово Писания: «И к злодеям причислен». И кем – любимым учеником?! Почто слаба вера твоя? Как Петру нужна была рука, чтобы не утонул он в волнах, усомнившись, так и тебе, Владимир, все время нужно слово одобрения и разъяснения. Я все объясню, но сначала напомню тебе слова Иоанна Предтечи: «Порождения ехиднины! Кто внушил вам бежать от будущего гнева?» Ты думаешь, что мир счастлив видеть меня и смиренно готовится к Страшному суду, читая молитвы и творя добрые дела? Глупец, оглянись вокруг, много ли праведников раздали свои несметные богатства и живут по Писанию? Что-то не вижу я их, не слышу слов раскаяния. Лишь все новые замыслы и интриги. Конечно, Иерусалим начал преображаться, и есть дуновения свежего ветра в дальних землях, где верят мне и под крылом моим воспрянут, но ведь сколько вокруг нас детей гиен, смиренно ластиющихся, чтобы скрыть свои злодеяния и хоть так, бочком и лестью, пробраться в новое царствование! Пяти дней не прошло, как облепили вас рыбы-прилипалы, жаждущие служить за Царствие Божие, но по дороге туда совершающие злодеяние. Когтями и зубами прорывались они на теплые места, и вот – теперь им жарко. Нет там невинных жертв! Нет! Не

уподобляйся Аврааму, не найдешь и одного праведника. Каждого черную душу могу показать, за ангельским взором разврат и похоть. Плотью добившаяся теплого местечка и доносими живущий, по-твоему, обитатели рая? Ведь их ты вспоминал в своей жалобной песне? Будь доволен – для них суд свершился! И не пришлось вам свидетельствовать их грехам, ибо сказано: «...изыдут ангелы, и отделят злых из среды праведных, и ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов». Вы ушли из гостиницы, и не только вы. Те, кто праведны, не оказались там – кто-то задержался в пути, кто-то поменялся сменой, а кто-то срочно должен был покинуть здание по служебным вопросам.

– Но почему взорвали именно эту гостиницу? – спросил я. – Зачем покушались на нас, разве не ты их цель?

– Они думали, что я буду там сейчас, после взрыва, оплакивая вас на развалинах. Сюда они добраться не смогли, попыток было несколько, но охрана замечательно справлялась. Тогда они решили осуществить довольно обычный для палестинских террористов план: взрыв, на него устремляются люди, чтобы оказать помощь потерпевшим, затем вновь по той же цели наносится следующий удар, в нашем случае ядерный, и все – еврейский вопрос решен навсегда! Не могу не отметить тонкости замысла, ведь исчадия Ада не были уверены, что я не скрываюсь в убежище, тогда и ракетный удар был бы бесцелен.

Не могу сказать, чтобы долгие объяснения Даниила меня убедили. Скорее нет. Впервые за все время своего служения я вдруг понял, что это не кино, и никакого хеппи-энда не предвидится. Да, мы с Биллом умеем многое: читаем мысли, говорим на всех языках, творим чудеса, но и расплата за эти дары немалая. Я был уверен, что после явления Спасителя жизнь станет совсем другой: все уверуют и исправятся, так что судить придется больше ушедшие поколения, да и то только тех, чье дело требует рассмотрения. Погибли люди за Родину, в борьбе с фашизмом – все в Рай. Был гестаповцем или расстреливал в подвалах НКВД – быстро в Ад. А вот если жил тихим бухгалтером, то давай полистаем твое дело. Но получается, что я жестоко ошибался. Смерть не ушла, да и зло не бездействует. Ядерная война на носу, а Даниил лекции читает.

Билл, все это время не встречавший в наши разговоры, тихо подошел ко мне и сказал, что объединенные силы готовы приступить к уничтожению целей в Иране, а также в ряде других государств, принимавших участие в заговоре против нас. Я закрыл глаза и увидел командный пункт на одном из военных кораблей ВМС США в Средиземном море. На гигантском панно были видны точки базирования ракет, направленных на военные цели на Среднем и Ближнем Востоке. Так же поддерживалась связь с бомбардировщиками, выходящими на рубеж огня. Царила почти праздничная боевая обстановка. Команды отдавал голливудский красавец с невероятным количеством звезд на погонах. В центре управления также находился и офицер в форме российской армии. Операция проводилась одновременно всеми войсками НАТО, хотя в основном участвовали США и Россия. Красавец повернулся к офицеру связи и спросил его:

– Что там у союзников?

Я подумал о наших военных и увидел командный центр, в котором находился министр обороны. Он ждал какого-то рапорта от одной из групп и нервно крутил в руках карандаш. Недалеко от него сидел офицер связи в натовской форме. Он встал и обратился к нашему руководителю:

– Господин министр! Мы ждем ваших указаний. Все готово!

Министр обороны Иванов улыбнулся, но было видно, что его что-то тревожит:

– Насколько я понимаю, иранские руководители планируют начать ракетный удар через тридцать минут. По крайней мере, до сих пор их установки не перешли в режим боевой готовности, так что мы еще можем подождать пару минут. Как вы знаете, мы не хотим повторения не самого удачного опыта афганской и иракской кампаний союзников, когда

после более чем эффективной военной части операции пришлось столкнуться с рядом проблем, вызванных несвоевременной изоляцией лидеров этих государств. Так что мы уж по старинке – сначала ликвидируем верхушку неприятеля, а потом уже нанесем ракетный удар.

Иванов волновался напрасно. Когда он заканчивал свою тираду, его связисты как раз получали шифровку от командира вертолетного звена, который уже не только подобрал на крыше президентского дворца в Тегеране группу офицеров АТЦ, но и успел покинуть опасную зону. В вертолетах было шумно и весело. Лидера Ирана взять живым не удалось, но зато в процессе выполнения задания обошлось без потерь. Во многом это произошло благодаря грамотной подготовительной работе – в течение длительного времени иранцы считали россиян своими союзниками, так что войти в доверие к президенту удалось без особых проблем. Русские и во дворце бывали часто, и принимали там наших по первой просьбе, так что когда пару часов назад группа вооруженных ребят явилась во дворец и передала новость о готовящейся атаке со стороны Моссада, то для доклада их пропустили почти мгновенно. Ну, а все остальное было делом техники. Страна так и не узнала, что практически за пару минут лишилась всего своего руководства, поэтому и отдать приказ о ядерном ракетном ударе физически уже было некому.

Нельзя сказать, что иранцы не сопротивлялись, просто нашим ребятам помог опыт чеченских кампаний. Единственное, на что хватило иранского президента, так это застрелиться из личного пистолета. Никто особенно не печалился, так как команды брать живым не было. Да и сложно сказать, застрелился он сам или кто-то из ребят, увидев в президентских руках ствол, оказался проворней. Но факт остается фактом – президент досрочно отошел от дел. Даже лишних звуков не было. Спецназ работал тихо, так что внешнее кольцо охраны дернется еще не скоро – все привыкли к многочасовым заседаниям Совета безопасности. Конечно, о запланированном ударе знают в Центре управления, но там хватятся минут через двадцать пять, не раньше, так что можно спокойно уходить.

Иванов получил радостное известие и улыбнулся натовскому офицеру:

– Зеленый свет!

Все вокруг ожило, и офицеры в удаленных друг от друга на тысячи километров пунктах управления пришли в движение, наводя на цели ракеты и самолеты. Через несколько минут Иран, а вместе с ним и несколько населенных пунктов ряда арабских стран исчезнут с лица земли. Голливудский красавец с радостью произнес:

– Начинаем операцию «Крестовый Поход»!

Я посмотрел на Даниила. Его, очевидно, забавляло все происходящее. Он напоминал не Иисуса на Масличной горе, а Наполеона на поле Аустерлица.

– Название военной кампании мне не очень нравится! – сказал он. – Точнее было бы «Содом и Гоморра». Как сказано: «Истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому», но у военных свои приоритеты. Говорят, мусульманам была предоставлена возможность отказаться от участия в боевых действиях, и вроде бы даже кое-кто отказался.

Даниил помолчал и добавил:

– Незавидная им доля уготована.

Через несколько минут первые ракеты достигли своих целей. Взрывы их были ужасающими, не говоря уже о последствиях. Ядерные боеголовки, в секрете изготавливаемые иранской оборонкой, от попадания вражеских ракет взрывались, вздымаясь страшным грибом, неся смерть и забвение древней земле. Удар, нанесенный по реактору, был не менее смертоносен. По непонятным причинам термоядерная реакция не остановилась, а стала неуправляемой. Защита не сработала, и вся установка превратилась в гигантскую бомбу, взрыв которой зафиксировали все сейсмические станции на Земле. Таким образом, практически вся терри-

тория Ирана оказалась поражена радиацией от взрыва либо самого реактора, либо ракет с ядерными боеголовками, так и не успевшими стартовать на Израиль.

Даниил улыбнулся:

– Забавно! Чем не армия Гога и Магога? Знаешь, Владимир, этот вечный спор о том, кто это такие, что за армии Апокалипсиса поведут они в бой... То ли Гог – царь земли Магога, то ли они отец и сын. А теперь, в зависимости от точки зрения, варианты. Первый: земли Гога и Магога – это территория современного Ирана, и таким образом их попытка уничтожить нас и была атакой армии сил Зла. Либо, извольте, иной подход: как известно, некоторые мудрецы считали, что земля этих милых царей лежит где-то на севере. Поэтому в разные времена считалось, что кавказские народы и есть армия Сатаны. До них страшны были гунны и татаро-монголы, но все сходилось на том, что в нынешних географических реалиях все это – территория России. Так что Гог и Магог – это армия Джорджа и Владимира. Забавно – в имени Гог слышится что-то от Джорджа, а в имени вашего президента столь явных намеков не ощущается. В любом случае, у любителей бреда Иоаннового есть поле для бурной деятельности. Уверен, что завтра же появятся умники, считающие, будто бы «первый ангел вострубил, и сделался град и огонь, смешанный с кровью. И пали на землю, и третья часть деревьев сгорела, и вся трава зеленая сгорела». Уверен, они не поленятся посчитать общее количество военнослужащих войск объединенных сил и убедятся, что «число их – как песок морской». Кликушествующие! Вот с ними и тебе, Владимир, и тебе, Билл, предстоит повозиться.

Я слушал Даниила и думал о том, что история повторяет саму себя. Вечно Израиль не дает покоя врагам своим. Только приняли решение о создании государства – тут же война с арабскими странами. Так и теперь. Ну что им Даниил покоя не дает? Никак не могут успокоиться! Неужели и теперь не понятно, что наступила полная и окончательная победа авраамистического учения. Победа! Победа! Бог есть, и Он здесь. Симпатичный, молодой, худой, но жилистый, не лишенный очарования Бог. Так что теперь, если у кого какие вопросы остались, вы знаете к кому обращаться. Письма можно писать, телеграммы, СМС-сообщения.

Вся эта мыслительная чушь так зачаровала меня, что я даже произнес вслух:

– Даниил, а может, нам пора интернет-сайт завести? С чатом, пусть народ не Деду Морозу пишет, а тебе?

Даниил улыбнулся:

– Видно, слишком много потрясений для одного дня. Нет, сайта пока не будет. Я думаю, нам надо обсудить дальнейшие планы, так как вам с Биллом предстоит поездки на родину, а мне надо пообщаться с премьер-министром Израиля, который уже несколько дней умоляет об аудиенции.

Глава 3

Мы вернулись в шатер. Даниил, как настоящий рачительный хозяин, посадил нас на ковры, налил чай и подал нам чаши:

– Понимаю, уместнее было бы, чтобы я омыл вам ноги и налил вина. Или, на худой конец, чтобы этим занялись женщины, а я бы потом рассказал вам пару притч. Затем, конечно, наступила бы глубокомысленная тишина и вы с блаженными выражениями лиц отправились бы по делам, но так не будет!

В голосе Даниила слышалось явственное раздражение. Немного помолчав, он продолжил:

– Я ожидал, что не все будет гладко. У меня не было никаких сомнений, что вслед за Фомой Неверующим человечество уверует в меня только тогда, когда каждый желающий сможет вложить перст свой в зияющие раны мои, а потом будет кричать, не наваждение ли это. Но не это печалит меня. Ничто не изменилось со времен Исаяи: «Народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце свое. Да не видят глазами и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтоб я исцелил их». В конечном итоге имеющий уши да услышит, и слово сказанное будет столь веско, что и камни зарыдают, и жестоковыйные назовут меня царем в Иерусалиме. И снова засияет прежней славой земля, дарованная Отцом своему народу. И будут славить Создателя в доме его, отстроенном по наставлениям, данным Моше, и сладкий дым жертвы вновь поднимется над алтарем. Случится, как было предсказано.

Учитель посмотрел на нас исподлобья:

– Тревожит меня, что даже в себе я чувствую мучительное сомнение! И хочется мне вновь воскликнуть: «Элои, Элои, лама савахфани?» Боже мой, Боже мой, для чего Ты меня оставил? Ибо все это время я ждал знамения, ждал голоса его, для чего и пришел в сад. И был один, ибо нет более пустыни, где может уединиться взалкавший истины, лишь уйти в себя, прислушавшись к собственной душе. Большой муки не испытывал я никогда! Ко мне толпами являлись бесы, и искушения, приносимые ими, были столь сладки, столь желанны, что, казалось, рассудок мой не выдержит. Весь мир предо мной, я всемогущ, и шепчет собственное эго, что я и есть Царь и Бог! И стоит мне только возжелать, в каждом доме будут превозносить имя мое и в каждом молельном собрании вспомнят обо мне. И не Отца моего будут почитать они, а меня. И шептали мне духи: «Чего ждешь ты, Бог Отец – Бог Сын – Бог Святой Дух? Ты ведь триедин, так кого же ты ждешь себе в советчики? Все твое – бери и наслаждайся! Суди и правь, верши приговоры и даруй милостыню. Более нет ни Добра, ни Зла, а есть только ты. И что говоришь ты – хорошо, то и есть добро, а что отвергаешь ты, тому место только в аду». Какое искушение – судить всех жестоковыйных и грешных, карать огнем и мечом! Семьями, народами, странами, континентами уничтожать это сорное племя. Но держит Завет с Ноем – радуга, символизирующая, что не будет Нового Потопа. Придется мириться с фактом существования человечества. Но разве этих мыслей я ждал? Неужели мое предназначение – меч? Тогда суд будет краток! Разве есть праведники во времена наши? Раз уж вы с Биллом избраны, то каковы же должны быть отвергнутые?!

Даниил тяжело дышал. По лицу его текли крупные капли багрового цвета, как будто кровоточили раны, нанесенные терновым венцом. За время его монолога мы с Биллом не проронили ни слова. Впервые наш Учитель говорил о своих отношениях с Творцом и задавал вопросы. Вопросы, которые мы никогда бы не осмелились задать, да и ответы на которые нам, должно быть, и не надо знать. Знания идут на пользу, только если страждущий может распорядиться ими во благо. Не должна повториться трагедия Адама! Конечно, по достижении мудрости, ему была бы дарована возможность вкусить плод с Древа познания Добра и Зла, и вся история человечества была бы иной. И не мучился бы лучший из людей угрызе-

ниями совести, что усомнился в Творце и что наказание было страшным. Изгнание из Рая, родовые муки жены, гибель сына, старение, а главное, потеря возможности ежеминутного общения с Создателем. Творец отвернулся от своего творения...

Стоп! Я начинаю жалеть себя, а это не мой стиль. В конечном итоге даже в самой критической ситуации замечательно помогает анализ. Если с Божественным откровением у нас непредвиденная задержка, то попробуем в меру скромных сил и возможностей понять почему. Учитывая, что и Даниил, и Билл легко читали мои мысли, я мог и не озвучивать их, но решил для стройности логических конструкций порассуждать вслух. В отличие от Даниила, по обыкновению говорящего в нашем обществе на арамейском, я решил воспользоваться русским. Знаете ли – образы привычней, да и посочнее будут, чем у наших американских друзей.

Билл поморщился, но спорить не стал. У меня вдруг возникла забавная мысль – а кто Гейтс по национальности? Нет, я не собираюсь выяснять чистоту его крови до пятого колена, и вообще, мой интерес чисто академический, я ведь не какой-нибудь там расист. Пусть будет кем хочет, тем более что за столько веков общения между народами чистотой крови похвастаться могут разве что пигмеи. Жизненный путь моего собрата по служению выдает в нем гремучий замес, но вот манера себя вести, напротив, убеждает в стопроцентной американистости. Начисто он лишен ветхозаветных штучек. Но ведь как-то занесло его в нашу компанию? Хотя, если быть до конца справедливым, то занес-то его я сам – совратил малышку. Ну, хоть не бросил.

– И на том спасибо, – печально ухмыльнулся Билл.

Заметно было, что его задела откровенность Даниила. Все-таки не привык американец заниматься самоанализом, не находясь на приеме у психоаналитика. Да и действительно, как это можно думать о себе не в кабинете у врача, разлегшись на кушетке? Если каждый займется самолечением, сколько людей останется без средств к существованию! И станет вдруг ясно, что Фрейд в первую очередь был большой бизнесмен. Ведь как точно все рассчитано – пациент платит за то, что его слушают. Примерно как поход в театр за счет актеров, дающих спектакль. Вы, мол, играйте, но чтобы это смотреть бесплатно, ОК? Помилуйте, милостивые государи, да разве ж так можно? Только за наличные, и лучше вперед. А то ведь знаю я вас! Понимаю возмущение брата Билла (ББ).

– Ну хорошо, – подал голос ББ, – предположим, высшая инстанция пока не выходит на связь. В этом, может, и есть некоторый повод для беспокойства, но зачем так огульно обижать вполне достойных людей, то есть нас с Владимиром? Или, по крайней мере, меня одного? Чем не угодил? Да и все эти рассуждения об уничтожении человечества? Какая-то, простите, маниакальная чушь! Все-таки судить их надо – выработать процедуру, критерии, подходы. Организовать процесс, наконец, оптимизировать его. Не надо так эмоционально на все реагировать! – не глядя на Даниила, наставничал Гейтс. – Уже достаточно. Вон, посмотрите: у кого-то плохое настроение, так теперь на одну гостиницу в Иерусалиме меньше, а про государство Иран лучше и вовсе не вспоминать. Не могу признаться, что испытываю к нему какую-то жалость, как, впрочем, и Афганистану и Ираку до него, но тем не менее. Однако что тревожит меня больше всего, дорогой Учитель, так это ваша внутренняя готовность к поспешным шагам!

Произнеся последнюю фразу, Билл осмелился взглянуть на Даниила и тут же умолк.

– Кажется, я себе слишком много позволяю. Простите меня за эту вольность! – сглотнул он. Было видно, как тяжело ему смирять себя. Привыкший в течение многих лет быть гуру для всего западного мира, он вдруг ощутил себя нашкодившим мальчишкой. Да еще вдобавок и не очень понимающим, как выйти из сложившейся пренеприятной ситуации, в которой вдруг оказался. Билл уже пожалел, что открыл рот, и с мольбой во взгляде покосился на меня.

Я взглянул на Учителя. Даниил пристально смотрел на нас, и взгляд его не предвещал ничего хорошего как нам, так и всему человечеству в целом. Воздух заметно сгустился. В грозových облаках, внезапно окруживших нас, шатер буквально растворился, и свинцово-серое небо над Даниилом разорвали колючие зигзаги молний. Я мужественно не смотрел себе под ноги, понимая, что мне не понравится то, что я там увижу. Было ясно одно – мы уже не в Гефсиманском саду. Куда нас отнес гнев Творца, сказать было трудно, но меня ощутимо била крупная дрожь. Изнутри проступала такая леденящая душу жуть, что температура окружающей среды не имела никакого значения.

Глаза Даниила сверкали черными агатами на иссиня-ледяном лице. Губы были плотно сжаты, превратившись в узкую линию, и побелели от напряжения. В этот момент он больше походил на Зевса Громовержца, чем на елейный образ Христа. Должно быть, таким был Творец, разверзающий хляби небесные. И таким он завершил торг с Авраамом и вершил правосудие Содому и Гоморре. Я поймал себя на мысли, что он божественно красив даже в гневе. Забавная мысль! А как еще может быть красив Даниил, как не божественно? Хотя, признаться, в этой красоте не было даже намека на прощение.

Вдруг среди свинцовых туч, нависающих над нами, наметился разрыв, пусть и небольшой, но достаточный, чтобы через него пробился тоненький прямой лучик света, заигравший цветной радугой. Я закричал, как сумасшедший:

– Смотрите, смотрите! Вот он – знак Завета! Значит, Творец слышит нас! Даниил, ты видишь, разве это не знак?

Даниил перевел взгляд на светлеющее небо. Выражение его лица постепенно менялось, гнев уступал, хотя напряжение ситуации не спадало. И я позволил себе дерзость, которую замыслил еще задолго до неудачной попытки Билла разрядить атмосферу:

– Учитель, прости мне мою глупость, но позволь сказать и не гневайся, если мои слова не покажутся тебе правильными. Ведь рассуждать я могу только в меру дарованных мне возможностей.

– Говори! – сурово бросил он.

– С чем связано твое волнение? – осторожно спросил я. – С тем, что после явления всему человечеству ты не услышал слов одобрения Творца? На мой взгляд, этому есть всего два объяснения. Первый – он отвернулся от тебя.

Щека Даниила дернулась, но он остался неподвижным.

– Понимаю, тот еще вывод, – продолжил я. – Но есть и второй вариант, более правдоподобный, – мы просто неверно оцениваем этапы нашей работы. Не думаю, что первый вариант справедлив. Если бы ты чем-то разгневал Творца, то, перед тем как отвернуться от тебя, он не преминул бы однозначно высказать суть своего недовольства. В Завете примеров такого отношения не счесть. С другой стороны, было бы странным ожидать, что Бог начнет комментировать любой промежуточный этап твоей деятельности. Посмотри, ведь и в общении с Моисеем он приходит только в самые важные моменты и требует выполнения четких и ясных инструкций.

Несмотря на то что мы все еще находились в подвешенном состоянии, я постепенно успокаивался и стал говорить более ровно – помогла годами наработанная журналистская выдержка:

– Учитель, ведь именно Творец с удивительной геометрической точностью указал размеры своего Храма, как и порядок служения и жертвоприношений. Не случайно во время первого Пришествия ты оплакивал разрушение Храма, ибо вначале он был разрушен саддукеями и фарисеями в душе народа Израиля, а уже после пал от рук римлян. Ведь сколько поколений прошло с тех пор, как Тора с указаниями по построению Храма была дарована евреям, до того момента, когда народ смог, поднявшись в духовном развитии, его воздвигнуть? Поэтому то, что было начато тобой две тысячи лет назад, должно быть завершено сей-

час. Ты не только изгонял меня из Храма, ты ратовал за чистоту душ, но не был услышан и понят. Но если тогда они не захотели слушать бедно одетого учителя, так пусть подчинятся теперь слову Царя! Восстановить Храм в душах и во плоти – должно быть, в этом наша задача. Жить по Писанию! А мы ждем, что люди очнутся лишь от благой вести. Но ты же видишь, что души их тычутся, как слепые щенки, и не видят света.

Так, пять минут апостольских рассуждений – полет нормальный. Все живы. Продолжим:

– Разве только в этом вина их? Ведь сколько праведников отдали свои жизни за тебя, разве их кровь ничего не значит? Ведь прислушался Господь и готов был сохранить жизнь грешникам, лишь бы не умертвить десять праведников. И ты сдержался. Значит, есть праведники на земле. И не ты ли сказал: «И если кто услышит слова мои и не поверит, я не сужу его: ибо я пришел не судить мир, но спасти мир»?

Небо вокруг нас посветлело. Даниил повернулся и обнял меня. Я услышал пение птиц и вновь почувствовал запахи Гефсиманского сада. Мы опять были в шатре: тот же столик, чай, чаши. Лик Даниила был чист – никаких следов тернового венца, легкий румянец на челе, глаза светлые. И с чего мне вдруг привиделось, что они могут гореть черным огнем?

– Вот потому, Билл, Владимир и есть первый ученик и твой старший брат. Конечно, так все и есть, и я рад, что ты сердцем своим чувствуешь правильный путь. – Учитель улыбнулся. – Но учти, что было сказано там же: «Отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет судью себе: слово, которое я говорил, оно будет судить его в последний день».

Совершенно некстати всплыли из подсознания «Голосуй сердцем!» и Ельцин, танцующий нелепый медвежий танец. Поеживаясь грудной клеткой, он, должно быть, пытался продемонстрировать, что именно так и осуществляется процесс голосования коронарными клапанами, желудочками и прочими составляющими пламенного мотора. Неправильная мысль, перефразируя старика Ленина, чер-р-р-товски несвоевременная! Упс, а вот этого персонажа с рожками я, кажется, и вовсе некстати вспомнил! Персонаж – это не Ленин, а тот, другой, который у меня через много р-р-р-р. Да, специально для молодого поколения поясню: «старик» – это не фамильярное обращение к вождю пролетариата, а его партийная кличка. А кстати, как замечательно звучит – «ПРОЛЕТАриат», так и хочется добавить «НАД ГНЕЗДОМ КУКУШКИ». Звучит неплохо, только вот результат не радует. Ведь сколько раз уже было: голосуешь сердцем, а получаешь по заднице. Что, в общем-то, и неудивительно – в сердце мозгов примерно столько же, сколько и в пятой точке. То есть совсем нет. Хотя в заднице они иногда бывают – транзитом, если до этого их подавали к столу, правильно приготовленными. Но это уже говяжьи мозги. А с другой стороны, голосует-то немало и коров тупых, и бычья всякого.

И-да, мысли явно не к моменту. Как будто стоишь где-нибудь в Георгиевском зале Кремля под вспышками и злым оком телевизионных камер, грудь выпячиваешь под высокую награду, президентом прищипливаемую, глаза пучишь влюбленно, а сам думаешь только об одном: «Блин, где же у них тут туалет? Еще пара минут и все, начну пукать прямо здесь!» Какая, однако, глупость лезет в голову! Это у меня, очевидно, реакция на стресс. И есть с чего загрузиться по полной программе: не угадал бы правильный ответ – все, Конец света наступил бы без всяких там антимоний. Раз, и всем выключили свет! Чего там разбираться?

Глаза Даниила округлились от изумления. Видно, круговерть, творящаяся в моей голове, его немало забавляла. Он наклонился ко мне и заговорщически прошептал:

– А твои бесы повеселее моих будут. – И уже вслух произнес: – Ну что же, за работу, друзья! – Произнес по-русски, легко грассируя. Затем, хитро, как-то не по чину, подмигнув, добавил: – Отправляйтесь по домам! Я буду с вами, не оставлю вас во служении, но народы ждут своих поводырей. Приведите их к свету! А я тем временем прослежу, чтобы «святой город Иерусалим был приготовлен, как невеста, украшенная для мужа своего».

Глава 4

Сказано – сделано. Нам, апостолам, не послушание, а послушание к лицу, так что пару часов спустя я уже сидел в самолете, летящем в Москву. От пережитых волнений я сразу же заснул, но меня мягко потрепали по плечу:

– Почти прилетели!

Я открыл глаза. Стюардесса, разбудившая меня, смущенно улыбнулась:

– Извините, Владимир Рудольфович, вы так сладко спали, но уже пора пристегнуться.

Дожил – мало того, что сплю, как студент после первой сессии, так уже и по имени-отчеству обращаются. Непривычно, да и не по-апостольски. Кстати, вот вам и еще одно смыкание профессий – в журналистике отчества тоже не очень приняты. А может, все гораздо проще – возраст? Ведь уже не мальчик.

Кстати, о возрасте. Даниил моложе меня, а я моложе Билла. Что бы ни говорили, но возраст имеет значение. Довольно тяжело принимать старшинство людей, которые младше тебя. Должно быть, поэтому в ленинском окружении не было даже его ровесников. Отсюда и кличка «старик» – на десять лет всех старше. Понятно, что если в начальниках у тебя сам Творец, то его старшинство сомнения не вызывает, но вот тогда, в начале эпохи – когда ученики еще и не ведали, кто им проповедует, – как складывались их отношения друг с другом и с Иисусом?

Весь Рим и Ватикан украшены изображениями Петра и Павла, где Петр – седовласый старец с ключами, а Павел – со смешным плевочком волос и существенно моложе Петра. Конечно, разница в возрасте у них была немалая. Но вот был ли Петр самым старшим по возрасту из учеников? А кто был старше по годам – Иисус или Петр? Судя по иконам – Петр. А может, это ощущение связано с раскаянием, исказившим черты его лица после осознания, что сбилось реченное Иисусом и трижды отрекся Симон от учителя? Ответа нет. Как нет ответов и на многое другое, относящееся к жизни апостолов.

А сейчас мне было бы очень полезно их почитать. Все-таки каноническими деяниями апостолов сыт не будешь. Уж больно все схематично. Сплошные переходы да проповедования. Попытки убедить жестоковыйных в том, что Христос и есть Спаситель. У нас с Биллом таких проблем нет. Как-никак, Даниил все время рядом, да и время другое. Бедный Павел за время своего служения настрадался безмерно. То побьют, то в темницу заточат, а в конце концов и вовсе главу усекли. Проявили, значит, милость, как к римскому гражданину. Петру так не повезло – распят был вверх ногами, по его же просьбе. Горек апостольский хлеб! Слезами и потом полит. Кроме Иоанна, никто не смог избежать мученической смерти.

Любопытные мысли, но приходят как всегда не вовремя. Пора выгружать мое драгоценное тело из самолета и отправляться на встречу с Президентом Российской Федерации. Ой, что это я сида? Может, надо вскочить, выпятить грудь и с придыханием в голосе произнести – Владимир Владимирович Путин? И чтобы легкая слезинка дрожала в уголке глаза и нижняя губа чуть подрагивала. От обожания. Чай не где-нибудь, в Расее-матушке. Страна самодержавная – как правителя ни величай, для народа он все одно царь-батюшка. А уж умники всякие сами придумают, какая форма правления в стране, и не устанут кричать на всех углах: «Демократия!» А как устанут, да жизнь разладится, – все раскритикуют и тиранией назовут.

А ответ ведь прост – все зависит от характера царя. Ежели из интеллигентов, с заходами, да по заграницам поездил и вернулся с таким флером свобод – то, значит, в стране демократия. Ну, а уж коли готов сапогом в морду заехать, да бороду все норовит на кулак намотать – то тогда тирания. А присмотреться – все одно монархия. Была, есть и будет! Во

веки веков, аминь. Насчет веков это я смешно пошутил – веков-то как раз и не осталось. Были, да все вышли.

А вообще Путин – человек интересный. Он мне понравился с первой встречи. Ему не надо было объяснять ни про Даниила, ни про Конец света – серьезно отнесся, подготовился. Одно удовольствие с такими гражданами работать! Да и участие проявляет тактичное: в душу не лезет, держит дистанцию, а значит, играет со мной по-крупному – опасается подсечь рыбу раньше времени. Видно, не до конца я крючок заглотил – надо меня еще поводить. Звончек с предупреждением о взрыве забавный был, надо еще посмотреть, откуда Президент узнал о покушении. Да и, по-моему, его удивление, что я уже не в гостинице, было несколько наигранным.

Наверняка у него был выбор – есть информация о взрыве и возможность предупредить нас о грядущей опасности. Предупреждение, несомненно, могло принести Путину зачетные баллы. С другой стороны, мы и сами с усами – Даниил заблаговременно предупредил нас об опасности. Выбирались мы из гостиницы с помпой, так что вся агентурная сеть гудела, как улей, и не доложить в Москву они просто не могли. И вот тут Президент играет очень тонко. Своим звонком он убивает двух, а может быть, и больше зайцев, да не простых, а энерджайзеров, которые сами по десятку зайцев до инфаркта доводят. Во-первых, он показывает, что все держит под контролем, а во-вторых, что за нами якобы не следит, именно поэтому и не знал, что мы уже вне отеля. Тонко, но не прокатило. Сейчас выясним, к чему все эти чекистские разводки.

Пока я жил своей глубокой внутренней жизнью, вокруг происходили события. Трап, улыбка проводницы, зачем-то ковровая дорожка. Как только я вынырнул из овала дверного проема, привычно нагнувшись, – маленькая лесть своему росту, впрочем, довольно бесполезная, – меня оглушили звуки родного гимна, который грянул сверкающий аксельбантами военный оркестр. Я чуть не подпрыгнул от неожиданности и даже несколько растерялся. А делать-то что? Насколько я помню, под звуки гимна надо гордо стоять, а не с трапа спускаться. Непорядочек – не вовремя заиграли. Видимо, эта мысль пришла в голову не мне одному. От аккуратного каре встречающих отделилась суетливая фигура и бросилась к оркестру. Гимн заметно сократили, и через минуту я смог наконец сойти с трапа. Внизу меня уже ждали: очень вдумчивый человек в рясе и с печальным лицом, ряд граждан с ответственно одутловатыми мордочками, какие-то военные, пытающиеся внять животы, и представитель администрации, которого все присутствующие боялись значительно больше, чем меня. Именно он и направился ко мне.

– Здравствуйте, Владимир, – поздоровался представитель администрации, – меня зовут Алексей Громов. Я пресс-секретарь президента.

– Добрый день! – ответил я и подумал, что невысоко же меня ценят. Или это такая административная шутка: мол, вы, Владимир, может, и апостол, но это в вашей небесной канцелярии, а на родине вы так журналистом и числитесь. То есть по Сеньке и шапка.

– Извините, у нас долго решали, кто поедет вас встречать, – будто угадав мои мысли, сказал Громов. – Согласитесь, времени вы нам оставили в обрез. Президент работает в Ново-Огарево, я был с ним, и он попросил меня вас встретить и сопроводить к нему. У нас не все благополучно, так что ваши знакомые – господа Волошин с Сурковым, – не в Москве, а Патриарха я решил не беспокоить. Да и, согласитесь, ритуал встречи с...

Алексей замялся, подыскивая нужное слово. Его еще довольно молодое, но уже избыточно морщинистое лицо выражало напряженную работу, причем было видно, как отменялись непригодные варианты. Некоторые были довольно забавны и вызывали у меня внутреннюю улыбку, но дипломатически приемлемый все никак не подворачивался. Мне не нравилось то, что я видел. Я понимал, что меньше всего на свете Громову хочется находиться здесь и сейчас. И если я не был в восторге от приема, то Алексей Алексеевич просто считал

все происходящее фарсом, а меня мошенником. Видимо, наша телетрансляция ни в чем его не убедила, а может, и мой предыдущий образ настолько отпечатался в сознании кремлевского чиновника, что для апостольской ипостаси уже не нашлось места. Молчание затягивалось, и Алексей нашел блестящий выход из положения. Прекратив перебирать слова, он взглянул мне в глаза и завершил фразу:

– ...с ВАМИ еще не прописан.

Молодец! Вот что значит школа – вроде и не обидел, а дал понять. И это – «ВАМИ»! Сказал, как вытошнил. За пакетиком, что ли, сбегать.

– Дорогой Алексей Алексеевич, – ответил я, – спасибо вам за прием, но это лишнее. Я не являюсь официальным лицом и прилетел исключительно для того, чтобы передать господину Президенту слова личной благодарности от Даниила. К чему такая помпезная встреча?

– Да это все московские власти. – В тоне Громова проскочило раздражение. – Когда ваш борт запросил коридор на Москву, все засуетились, ну эти и прислали какой-то левый оркестр с безмозглым придурком во главе.

– Жестко вы их, – усмехнулся я, не став уточнять, кого имел в виду. – Ну что же, не будем терять время. Самолет все-таки не мой, а Билла Гейтса – я столько не поработал. Куда поедем?

– В Ново-Огарево, – коротко отрапортовал Громов.

Ново-Огарево. Не ищите этого названия на карте Подмосковья. Сколько шпионов лично заглядывали в каждый указатель населенных пунктов по Рублево-Успенскому шоссе, так никакого Ново-Огарево и не нашли. Химеры прошлого, конспирация превыше всего. Ну так вот, названия-то нет, а вот объект такой есть. И именно к нему и приближался на сумасшедшей скорости президентский кортеж, в одной из машин которого был я.

Я, похоже, начинаю к этому привыкать. Если придется апостольствовать в Москве, то надо будет мигалочку попросить и номерок красивый, скажем – «б 001 от 77» Круто, и всем сразу будет ясно – не хухры-мухры едет. Дорогу для меня начнут перекрывать, прямо как сейчас. Офис выдадут, охрану, полное государственное довольствие – прелесть, а не работа! Уверен, что отбоя от предложений вести «Апостольский час» на федеральных каналах не будет. А то, что паства живет совсем иной жизнью и это именно от нее, под предлогом колоссальной нехватки времени, отгородился чиновный люд спецномерами, мигалками да охранами, так это еще в Писании сказано: «Богу – Богово, а кесарю – кесарево». Хочется добавить пару добрых слов и про апостолов.

Мы свернули у какого-то поста ГАИ и метров через пятьсот боковой дороги подъехали к мощному блокпосту. Меня сразу удивило, что резиденция президента соседствовала с какими-то безвкусными домами новых русских. Я удивленно и выразительно посмотрел на своего сопровождающего. Видимо, я был неоригинален, и Алексей догадался, что вызвало мое удивление.

– Горькое наследие прихватизации! – объяснил он. – Здесь раньше была вертолетная площадка, но потом кто-то подсуетился. Сейчас, конечно, мы оспариваем законность этой сделки, но суды дело небыстрое, да и не всегда их удается выиграть. Как-никак, люди борются за свои вложения, и им есть чем бороться, но мы все равно их додавим.

– Зачем давить? – удивился я. – Почему просто не выкупить?

– Не принято! – развел руками Громов. – Или, скажем так, ну, не нравится нам этот гражданин, так зачем выкупать, если он это своровал?

– Э-э, дорогой Алексей Алексеевич, – покачал я головой. – Вы бы поаккуратней, а то ведь так никого на свободе из своих знакомых не оставите. У нас ведь в России как бывает: кто у власти последние лет пятнадцать гулял по стране, как по буфету, тому потом мало не покажется.

Господин Громов устало замолчал, видно, ему было физически тяжело находиться рядом со мной. Ну не нравлюсь я ему! А помочь ничем не могу, на Россию я такой один. Однако его муки вскоре прекратились. Мы остановились у последнего пропускного пункта, возле которого, как гигантский фрегат на волнах, стоял автобус «Неоплан», ожидая разрешения на выезд. В его окнах были видны знакомые лица, оживленно обсуждавшие завершившуюся встречу с Президентом.

Алексей Алексеевич вышел и что-то сказал охране, после чего сделал знак моему водителю двигаться дальше и направился к автобусу. Я посмотрел в окно. Президентские уголья оказались довольно большим участком, обезображенным типично советскими постройками. От одного взгляда на эти унылые малоэтажные строения, предназначенные для партийной элиты, становилось неловко за Родину, куда не ступала нога архитектурных гениев. «Мерседес» остановился у крыльца, и вышедший охранник открыл мою дверцу:

– Добро пожаловать! Президент вас уже ждет.

Глава 5

Вот все меня сегодня раздражает! От неуверенности, что ли? Даже этот здоровый парень, открывший дверь, жутко меня злит. Ведь ясно, что он терпеть меня не может, а туда же: «Добро пожаловать!» Тоже мне, воплощенная вежливость...

Да уж, неудачное начало визита. Настроение у меня препаршивое, да и с чего я, собственно, решил, что это краткосрочная командировка? Даниил ничего подобного не говорил – просто послал на родину наводить порядок, и все. Ни тебе командировочных, ни инструкций. Вот чего я к Президенту полез, а? Сам ведь позвонил из аэропорта по хитрому номерочку: «Владимир Владимирович, повидаться бы! Я тут на родину собрался, вечером буду». Тьфу. Настроение у меня окончательно испортилось. Ну ничего – главное, ни на кого не сорваться. А впрочем, если верить Писанию, у апостолов характер обычно совсем не ангельский – парни мы резкие и жесткие. А как иначе народу объяснишь, что к чему? Надеюсь, что президент не заставит себя долго ждать, а то ведь он у нас любитель опаздывать.

– Владимир, привет!

– Здравствуйте, Владимир Владимирович!

Не опоздал! Ждал в предбаннике, что на него совсем не похоже. Отобрал у меня последний шанс осерчать, хлопнуть дверью и убратся восвояси.

– Вы ведь с дороги, может, пообедаем и заодно поговорим? – проявил участие Путин.

– Хорошо, – ответил я.

Президент вел себя так, будто мы расстались всего пару часов назад, и не было Лондона, его звонка в Иерусалим и маленькой, но победоносной войны с Ираном. Как всегда, строго одет, хотя галстук слишком темный, на грани допустимого. Дорогой костюм сидит не ахти. Видимо, дает о себе знать спортивная травма молодости – спина у Президента болит, и Путин частенько ежится в пиджаке в поисках удобного положения. Само собой, пиджак за такими перемещениями не успевает и начинает жить по своему графику, не совпадающему с расписанием хозяйского торса. Часы на правой руке правильные – скромный «Брегет» на резиновом ремешке, никакого жлобства новорусских. Интересно, а почему он часы так странно носит? Вряд ли следом за Полом Маккартни, да и не похож Путин на лешу.

Мы прошли через комнату ожидания на первом этаже, которую украшал огромный бильярдный стол. Судя по сукну, играли на нем довольно часто, но не Путин – проходя мимо, Президент даже не посмотрел в эту сторону, так что не его это увлечение. Лестница, второй этаж, тяжелая двухстворчатая дверь. Путин по-хозяйски распахнул ее, и мы вошли в большой светлый зал, посреди которого стоял гигантский стол, накрытый на две персоны. По замыслу неизвестного метрдотеля, обедая, мы должны были смотреть друг на друга с расстояния метров в шесть.

– Будем кричать, или раздадут мегафоны? – поинтересовался я.

Путин улыбнулся и тяжело вздохнул:

– У них на все инструкции. Своей головой думать не приучены, беда! – Он взял тарелку и направился ко мне. Моментально появились официанты с лицами прапорщиков, подхватили стул, приборы, бокалы и через мгновение засервировали место для президента рядом со мной.

– За приезд выпьем? – нервно спросил меня Путин.

– С удовольствием, Владимир Владимирович! А что вы так волнуетесь?

– Заметно? Не уверен, скорее я сосредоточен. – Путин поднял брови, морща лоб. Поискал меня прицелом бледно-голубых глаз, оценил обстановку, должно быть, внося поправку на ветер, и продолжил:

– Посудите сами: в результате вашего появления на меня оказалась возложена гораздо более тяжелая задача, чем любая, когда-либо выпадавшая на долю российских правителей. История не дает мне вразумительных подсказок.

– Соглашусь, – кивнул я. – Не хотелось бы участвовать в инсценировке «Русь – второй Иерусалим», да и роль Понтия Пилата для вас мелковата – он не был государем.

– Вот-вот! Это уж скорее к Лужкову! – Президент натянуто улыбнулся. – Шучу! Мягко, но тема все равно есть. Можно, конечно, сидеть и сопли жевать, ожидая, что скоро все кончится, но что-то мне подсказывает, что по крайней мере три с половиной года у нас есть. Не так ли?

Я почувствовал, как медленно наливаюсь гневом – во мне напористо зрел черный смерч и яростно искал выхода. Я так и знал! С самого начала, с первого момента после прилета в Россию меня не покидало предчувствие большого скандала. Уж больно все гладко складывается: и все сразу выстроились во фронт, и честь спешат отдать, и все без сучка и задоринки. Готовились? Ждали? Считали, но просчитались, сукины дети! С кем играть вздумали?

Ненависть распирала меня изнутри, и больше не было сил сдерживать ее. Молниеносным движением я вскочил из-за стола. Мой стул, отреагировав на такой пассаж, отлетел к стене и разбился вдребезги. Мои руки, еще секунду назад державшие приборы, взлетели вверх, и на потолке оказались вошедшие в плоть лепнины вилка и нож. Гнев клубился во мне, вырываясь наружу темно-багровыми языками пламени. Огонь образовывал хаотично бурлящий поток, ниспадающий с моего тела и покрывающий пол дышащей пурпурной пеленой. От неожиданности Президент отпрянул и чуть не свалился со стула. Я, еле сдерживая громовые раскаты в голосе, спросил его:

– И ты звал меня сюда, чтобы раба Спасителя назвать слугой Антихриста? Слепец, не отличающий белого от черного! Я терпел все твои намеки, надеясь, что вера укрепит твой разум, но все тщетно!

Путин враз постарел. Его лицо напряглось, скулы заострились, но он не потерял присутствия духа. С отчаянием идущего на смерть он спросил меня:

– А почему ты решил, что я должен принять Даниила за Христа? Я, конечно, не в религиозной семье вырос, но традиций христианских в России достаточно, да и святых у нас было немало. Многие описывали конец времен. И не случайно большинство людей компетентных считают, что Даниил и есть Антихрист. И кстати, по большому счету, это и есть один из признаков близкого прихода Спасителя!

Гнев покинул меня так же внезапно, как и появился. Темное пламя испарилось, не причинив вреда паркету, но столовые приборы так и остались торчать в потолке. Я огляделся в поисках замены уничтоженному стулу, но потом, решив, что аппетит все равно уже испорчен, промолвил:

– Пошли отсюда! Хватит, трапеза сорвалась. Лучше погуляем по территории. Наверняка там тоже все пишется, так что покажешь своим консультантам позже. Кто там у тебя главный эксперт по нам – уж точно не Патриарх, небось Еноха поднанял?

Мои слова попали в точку. Президент не смог скрыть своего удивления, и я не дал ему и рта раскрыть:

– Меня не интересует, как он на тебя вышел! Думаю, ты его сам нашел. Человек он грамотный и в Лондоне засветился, так что я был уверен, что испариться из госпиталя ему помогут. Теперь я знаю, кто это сделал. Что, в молодости не наигрался в шпионов? Уважаю, ход правильный. Играть нужно всегда на несколько вариантов. Вот только один вопрос: ведь палестинские террористы не твоих рук дело, зачем звонил? Не отвечай! После привлечения Еноха понятно – чтобы мы сгоряча не решили, что взрыв ты заказал.

– Я не мог быть уверенным, что Даниил не знает о Енохе.

– М-да, дорогой товарищ! А вы непростой фрукт, очень даже непростой.

Растворившись на глазах у изумленной челяди, мы покинули особняк и уже прогуливались по на редкость уродливому участку. Путин шел рядом и не смотрел мне в глаза – держал паузу. Но потом, тяжело вздохнув, ответил:

– Я же с этого начал! Ответственность у меня гигантская, а подходящих наработок нет. Я не вправе рисковать жизнями миллионов моих сограждан, Владимир! Подумайте – сто сорок семь миллионов человек! И среди них есть люди близкие вам лично: ваши родители, дети... Эльга.

Молодец, товарищ Президент! Вот это тонко! Продемонстрировал высокий класс! Домашнее задание выполнено на отлично! Как легко и грациозно он упомянул Эльгу, будто мы с ним всю жизнь на одной лестничной клетке жили! Но должен вас огорчить, дорогой мой ответственный друг, мы тоже не вчера родились. На грудь с расспросами не кинусь и не зарыдаю в раскаянии. Но, если вам угодно мериться возможностями, то как вам такой поворот?..

Для всех камер, снимавших нас, и всех глаз, устремленных на Президента, мы просто исчезли. Не растворились, как улыбка Чеширского кота, не провалились в сумрак и не накинули волшебный плащ Гарри Поттера. Просто только что господин Президент были здесь, на лужайке Ново-Огарево, и правой ножкой изволили о земельку опираться, а левую вперед вынесли – шажочек делали. И уже практически его заканчивали, ботиночек аж травку приминать начал, а приземлились на паркет, и совсем в другом месте. В прихожей той самой Эльги, о которой господин Президент так заботился.

– Ляля, это мы с Владимиром Владимировичем пришли. Чайку нальешь? – громко сказал я и сжал губы. Ой, не так, не так я планировал нашу встречу после разлуки! Думал... Да вру я все – ничего я не думал! Вспоминал, конечно, но запрещал себе думать о моей маленькой девочке. Апостол не может быть сентиментальным. Вот только, как увидел ее вновь, сразу растворился в ее глазах. Об остальном умолчу, вдруг дети услышат.

Эльга вышла из комнаты – на лице у нее была написана нешуточная растерянность. Она сделала два шага в нашем направлении и стала медленно оседать на пол. Я бросился вперед и успел подхватить ее. Прижал к себе и поцеловал. Если бы рядом не было президента, то на этом я бы не остановился. Как только я почувствовал ее тело, внутри меня началась такая круговерть, что светлый образ царя Соломона стал мне близок и по-человечески понятен. К счастью, моя «царица Савская» со мной одной веры.

– Прости, солнышко, что так явился – Президента воспитываю!

Эльга моментально пришла в себя, поднялась и выпрямила спинку. Как она все-таки хороша – грация, порода! Посмотрела на нас и сказала:

– Проходите! Чай, кофе?

– Спасибо, все хорошо, – ответил Путин.

– Я вижу, вам надо поговорить, – сказала Эльга. – Так что я вас, пожалуй, оставлю. Проходите в гостиную. Я буду в другой комнате, так что, если вам что-то понадобится, зовите!

– Мы не будем тебя смущать, – сказал я. – Вечером увидимся. А сейчас мы отправимся дальше.

В этот раз я не дал Президенту сделать шаг, просто декорации изменились. Только что была замечательная московская квартира, выделенная личным указанием Президента из его фонда на нужды государственной важности, а вот теперь мы уже совсем в другом городе – на родине Путина, в Питере. И стоим в маленькой комнатке Зимнего дворца, в которой с замиранием сердца прислушивались к тяжелой поступи революционных матросиков члены Временного правительства в ночь Октябрьского переворота.

– Здесь у вас камеры не стоят, – начал я, – так что мы сможем поговорить спокойно. Хотя вывести всю вашу аппаратуру из строя несложно.

Путин устало опустился на подвернувшийся ему стул.

– Итак, Владимир Владимирович, демонстрация моих возможностей не ставит своей задачей убедить вас в том, что Даниил и есть Спаситель, ибо в Писании сказано, что будут творить чудеса и называющиеся именем Его. Енох наверняка вас на эту тему просветил. Просто я хочу, чтобы вы меня поняли, а для этого иногда надо встряхнуться и начать воспринимать жизнь с позиции не умудренного опытом правителя, а наивного ребенка, сердце которого живет предвкушением приключений. Но сначала покончим с формальностями. За квартиру для Эльги спасибо. Понимаю, как нелегко было договориться с московскими властями и получить не каменный мешок, незаслуженно именуемый ими квартирой, а такое чудо современного дизайна. Эльгу сами убеждали или Суркова заслали?

– Владислав Юрьевич сам занимался этим вопросом, как, впрочем, и решением бытовых вопросов всех ваших родственников.

Должно быть, в этот момент меня должны были замучить укоры совести, так как ни о маме, ни о детях я не вспоминал уже давно, а значит, и денег не давал. Одним словом, апостол, твою мать! Хорошо хоть мир не без умных людей – Путин моей семье помог. Молодец, уже я ему должен.

Мудро.

– Святой водой окропляли? – Я строго посмотрел на Президента.

– А не надо было?

– Шутка! Собой освящу жилище. Вся эта чушь с квартирами и помощью очень мила, но не играет никакой роли. Я уже давно не сентиментален. Поймите, служение жестоко и выжигает из сердца многие былые привязанности. Да и сам Спаситель учит: «...кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот мне брат, и сестра, и мать». Видите, Владимир Владимирович, у вас есть шанс – можем стать братьями!

– Ну-с, вербуете?

– Можно и так сформулировать. Вы ведь и сами практически готовы. Только вот никак для себя уяснить не можете, кому придется служить. Вот об этом давайте и порассуждаем! Когда у себя в Ново-Огарево (и название-то какое мерзкое – прямо Старопогорелово!) вы заговорили о трех с половиной годах, то, очевидно, цитировали довольно известное высказывание апостола первого призыва – Иоанна. Того самого, который написал не только Евангелие, но и Апокалипсис, на основании которого ваши консультанты и делают свои умозаключения. Так вот, сам Иоанн прожил на земле долго и счастливо и единственный из ближнего круга Христа избежал насильственной смерти.

Опять я о смерти. Ну да ладно.

– Кстати, у меня с ним много общего – дурной характер. Не случайно его с братом, тоже апостолом – семейственность процветала и тогда, – прозывали «Воанергес», что значит «сыны громовы». Гневались ребята частенько. Мальчики хотели особых привилегий в Царствии Господнем в связи с тем, что приходились Спасителю родственниками. Их матушка была сестрой Иосифа, мужа Марии. И, как вы, должно быть, помните, братья потребовали у Христа сидеть по правую и левую руку его, когда он будет в славе своей. Но Иисус сказал им: «Не знаете, чего просите. Можете ли пить чашу, которую я пью, и крещением, которым я крещусь, будете креститься?» Они отвечали: «Можем». Далее им Христос объяснил, что, где кому сидеть, зависит от Всевышнего, но весь разговор показателен, так как десять остальных учеников сильно разгневались. Именно поэтому ни в «Деяниях апостолов», ни в «Посланиях» вы не найдете упоминаний о добрых отношениях Иоанна ни с Петром, ни с Павлом. Позволю себе крамольную мысль: если бы Иоанн их всех не пережил, отношение к нему в христианском мире могло быть не столь уж и положительным. Кстати, в своем Евангелии Иоанн о размолвке с десятью апостолами тактично умолчал.

Путин внимательно слушал, не пытаясь вставить свое веское слово. Я продолжил разъяснительную деятельность:

– Все-таки одно удовольствие описывать давно прошедшие события, когда ты остался единственным живым их свидетелем. Никаких шансов на творческую дискуссию с теми, кто не в большом восторге от твоих человеческих качеств, и теми, кто тоже там был. Представляете, если по прошествии двух тысячелетий редакторской работы, проделанной поколениями церковных служителей, в тексте Нового Завета до сих пор читаются отголоски напряженных отношений между апостолами, то какие же страсти бурлили на самом деле?

Я театрально развел руками:

– Простите великодушно, отступление от темы! Уж больно забавны исторические параллели, например, с переосмыслением роли товарища Сталина в Великой Октябрьской социалистической революции по мере выбывания из списков живущих ее непосредственных свидетелей. Ну так вот, все эти рассуждения Иоанна о сроках довольно условны. При этом исходят они от источника, как мы с вами видим, с не самой безупречной репутацией. Ваш главный консультант Енох, пророк во всех отношениях образцово-показательный, об этом знает. При этом сам он никаких иллюзий насчет Иоанна не питает!

– Я заметил, – качнул головой Путин. – В результате наших бесед у меня сложилось стойкое убеждение, что старик довольно резок в суждениях и апостолов искренне недолюбливает. Хотя к вам все же испытывает некоторую симпатию.

– Я всегда щедро платил ему за проезд! – улыбнулся я. – Или он вам не рассказывал историю нашего знакомства?

– Рассказывал, но о финансовой стороне дела умолчал.

– Енох! Его надо принимать таким, каков он есть. Пророк, одним словом, да еще и не просто из ветхозаветных, а из допотопных. Я имею в виду, до Великого потопа. Считаю – чудо-богатырь. В его время апостолов не было, да и есть также некоторый личный момент. Как Енох, так и Илия были призваны Всевышним, минуя физическую смерть. Апокрифы христианские утверждают, что Иоанн тоже не умирал, а, почувствовав приближение конца, попросил закопать его в землю, и наутро там уже бил источник ключевой воды. Эта история, судя по всему, не очень пришлась по душе Еноху. Похоже, пророки считают себя белой костью и к апостолам относятся, как старослужащие к новобранцам.

– Понимаю, – кивнул Путин.

– Не вполне, – возразил я. – Думаю, что вы слышите, но вот на понимание я бы не рассчитывал. Я не пытаюсь быть дерзким, просто считаю нужным удержать вас от скоропалительных выводов. Итак, для Еноха все эти откровения Иоанна – не более чем набор комиксов. Знаете ли, как наши сериалы про войну, имеющие к реальным событиям очень приблизительное отношение.

– Но ведь идеи Конца света обсуждаются и в Ветхом Завете?

– Абсолютно точно, но не самыми важными его персонажами. Видите ли, «ужастики» в литературе всегда считались низким жанром, и Писание не является исключением из этого правила. Читателю, конечно, нравится, когда его пугают, но вот как быть с подтверждением правдивости описанного? Ведь вся эта манера путано выразиться не близка Библии. Таких заморочек, как в Апокалипсисе от Иоанна, вы больше нигде не найдете. Посудите сами – Христос прямолинеен и точен, а если слушатели, что называется, «не догоняют», он переходит к притчам – то есть упрощает, чтобы все поняли его мысль. Моисей, как известно, вообще оратор был никудышный, так что обходился четкими и понятными командами.

В глазах у Путина проблеснул вопрос, но я не дал ему открыть рот:

– Вот только не надо мне сейчас говорить про Каббалу, а то умных слов от сенаторов наслушались, а о чем они, спросить забыли. Модно сейчас быть каббалистом, примерно как раньше филателистом. Все читали, слушали, на лекции ходили, книжек накупили, ниточек

понавязали, ничего не поняли и отправились на поиски следующего модного увлечения. Каббала – мистическая часть иудаизма и к нам не имеет никакого отношения. Забудьте – у Христа и апостолов об этом нет ни слова!

Путин, кажется, остался доволен моим ответом, но его явно волновала тема Апокалипсиса. По заинтересованному выражению его лица я понял, что он решил весь сегодняшний вечер посвятить расширению своего кругозора. Ну что же, раз из общества «Знание» пригласили меня, то продолжим занятия для Президентов. Апостольский курс продолжается.

– Иоанн для Еноха не является авторитетом, скорее не очень здоровым во всех смыслах этого слова персонажем. Все эти видения, которые описывает евангелист, случались у него в моменты пограничных состояний, которые по симптомам крайне близки к эпилептическим припадкам. Обращу ваше внимание и на тот факт, что, прожив долгую жизнь, Иоанн все время был несколько в стороне от мученичества, хотя свою толику, конечно, тоже получил – и в кипящем масле поварился, и яду испил вдоволь. Римляне, конечно, туповаты: ну если яды не берут евангелиста, так чего все время продолжать его ими пичкать? Поделом империя рухнула.

– Владимир, – покачал головой Президент, – я смотрю, не только Енох апостолов недолюбливает.

– Что за намеки, я им завидую! Они мне как братья старшие! Иоанн так вообще молодец: написал про пришествие Антихриста, а я теперь объясняй, что это он не про Даниила. А ведь он просто сводил сугубо личные счёты с современниками. Да что вы так привязались к этой работе? Ведь в ней сплошные аллегории. Кто что хочет, тот то и видит! Любое буквальное толкование комично. Столетний старик с плохим характером, больной, уставший и погрязший в вечных спорах, понаписал всякого, и вот давай, все кому не лень, читай да анализируй. Уж кто только Антихристом ни был – начиная с Нерона и заканчивая Бушем. Пора бы за ум взяться.

– Так каков ваш ответ?

– Дорогой господин Президент, как вы думаете, зачем мы с вами находимся в этой трогательной маленькой комнатке?

– У меня нет вариантов.

– А напрасно! Я ведь не из города на Неве, не всякий в этом публично признается, но такие еще есть. А вот городок преинтересный. Давайте проанализируем все случившиеся с Россией в XX веке с позиции текста Иоанна. Заметьте, у нас есть еще и факторы наследные. Город трех революций, построенный на костях, костями всю Россию и завалил. Чем вам Ленин не лжепророк, а Сталин не Антихрист? Ведь все признаки совпадают: и своя вера, и признание евреев, пошедших в услужение, даже церковь, и та смирилась? И десять рогов были – республики, их там даже потом поболее насчитали! И война с войсками Гога и Магога (это то ли мы сами, то ли фашисты), и печать дьявола тут как тут – паспорта советские. Да, правил Сталин немало. Не три с половиной года, а тридцать – так кто считает? Чем не враг человеческий? И сидели в этой комнатке, где мы сейчас находимся, образованные люди, члены Временного правительства, и не понимали, что утекают последние секунды эпохи и с грохотом матросских сапог приходит царствие Сатаны. Ну, а чем Ленин не антипророк? А может, он и был Антихристом? Он-то реально правил как раз года три с половиной, а потом все больше в кресле-каталке с отвисшим лицом страдал. Вот уж настоящая махина была – не человек! За всю историю России второго такого не было. Сколько веков правили монархи, и была Русь православной. Конечно, изредка случались дворцовые перевороты или появлялись лжедмитрии, но чтобы вот так, не таясь, одному голодранцу всю Россию забрать – такого не было никогда. Куда там Разину, Пугачеву да Болотникову – этот смог! И ведь как все тонко сделал, совратил Россию! Нашел червоточинку в характерах людских и на этом целую идеологию построил. Не случайно и помощников себе набрал с изыском: смотришь

сейчас на их портреты, и оторопь берет, уж больно ликами страшны! Да и какие темные страсти их обуревали! И всем этим командовал он один – уверенный, сильный и страшный. Жизнь других для него ничто, песок сквозь пальцы. И вот ведь что интересно – страну подмял без всяких там новомодных приколов. Ни тебе радио, ни телевидения, ни одного пиарщика, а все состоялось! Россией правили невидимки. Не случайно ведь, когда бандит Ленька Пантелеев Ленина из «Роллс-Ройса» выгружал, не признал в нем вождя мирового пролетариата. Да и сам пролетариат – чем не войско Антихриста? Вот уж кровушки пролили так пролили! Куда там Нерону с его светильниками из христиан! Чекисты бы могли поделиться с ним настоящими секретами пыток, да боюсь, у Нерона нервишки бы не выдержали. А как они с попами разобрались, а что с церквями поначудили?.. Уверенный был гражданин Ленин пассажир, крутой! В наше время быть ему Чубайсом – тоже верит только в себя и людей не замечает. Ну а Сталин? Этот уж точно Антихрист – и шестипалый, и рука ссохшаяся, и семинаристом побывал, а значит, из церкви! Продолжать можно до бесконечности...

– Да, – согласился Президент, – но ведь после них не пришел Спаситель!

– Здрасьте! А Даниил кто, по-вашему?! Он и есть Спаситель, и пришел как раз после всех этих, по дороге отправляя в Ад целый ряд представителей террористических группировок. А вы все продолжаете умничать, пытаетесь в нем разглядеть черты Сатаны. Ау-у-у, вот здесь и сейчас прислушайтесь! Слышите – это уходят революционные матросы! Эпоха Сатаны закончилась, круг завершился! Время России идти не своим путем, а предначертанным ей Всевышним. Вот поэтому я здесь, а вы, дружище, вместо того чтобы мне помогать, ведете свои закулисные игры. Нехорошо.

Не уверен, что я убедил президента, зато точно знаю, что примерно такую же беседу предстоит выдержать Биллу с американским коллегой Путина. У него, кстати, нет особой необходимости ссылаться на российский опыт – у них своих чертей хватит. За армию Гога и Магога вполне прокатит Ирак с Ираном, а Антихриста найдет или среди Бен Ладенов, или потормошит своих мерзавцев. Но вывод у него будет таким же: «США как оплот христианства и их лидирующая роль во втором пришествии». Звучит как тема диссертации.

– Хорошо, предположим, что вы правы. Каких действий вы ожидаете от меня? – Путин не потерял самообладания, и было видно, что он уже предвкушает вопросы Еноху, которые задаст сразу после того, как от него отстану я.

– Если вы переводите разговор в практическую плоскость, то давайте вернемся в вашу резиденцию.

Глава 6

Мой разбитый стул уже убрали, и на его месте стоял его брат-близнец – такой же неудобный урод. Еды не было – видимо, нас не ждали. Однако как только мы возникли в банкетном зале дома приемов в Ново-Огарево, за дверями послышалось приближение кого-то несущегося со всех лап, и, распахнув уж не знаю чем дверь, в зал вбежала собака Путина. Впервые за весь вечер на лице у Владимира Владимировича появилось выражение искренней симпатии к живому существу. Вслед за собакой показались охранники президента. Они выглядели встревоженно, но, поймав властный взгляд Президента, вопросов задавать не стали и молча ретировались.

– Познакомься, Конни, – это Владимир! – Собака равнодушно скользнула по мне взглядом. – Ну что, запаха серы не чувствуешь?

– Ну у вас и шуточки, господин Президент! Может, еще и в баню вместе сходим, чтобы вы лично смогли убедиться в отсутствии у меня копыт и хвоста, а расспросив вашу «наружку» о поведении Эльги в мое отсутствие, надеюсь, и рогов?

– Все, больше не буду. Олег! – повысил голос Путин. Появился клон предыдущих охранников и увел лабрадора. – Итак, товарищ Апостол, чем лично я могу вам помочь?

– Хороший вопрос. А поиск ответа мы так и будем вести стоя или все-таки где-нибудь присядем? Только, если можно, не за эту поляну, а то я на фоне этого гектара белой скатерти чувствую себя маленьким и потерянным человечком!

Путин окинул взглядом стол и ухмыльнулся:

– Не успели разобрать его к вашему приезду. Вы практически на минуту разминулись с вашими бывшими коллегами – журналистами. Я проводил неформальную встречу.

Так вот почему мне показались знакомыми лица людей в автобусе на пропускном пункте!

– Вербовали?

– Зачем? Они и сами рады услужить, да все не знают как...

– Высшая форма цензуры – любовь! – съязвил я.

– Можно и так сказать. Власть любить приятно и выгодно. Конечно, есть еще и оппозиция – это те, кто любит власть бывшую, в надежде, что прежние времена вернуться.

– Уже не вернуться. – Я покачал головой.

– Ну что же, – Путин пожал плечами, – одной проблемой меньше. А собраться надо было, так как не все понимали нашу позицию относительно военной операции в Иране. Пришлось объяснить, а то ведь многие даже не догадывались, что иранские ракеты долетают до городов, расположенных в средней полосе России, так что на самотек процесс пускать было нельзя. И когда эти отморозки решили нанести атомный удар по Израилю, я просто не имел права рисковать, ведь у нас нет никаких гарантий, что следующий удар не пришелся бы по России.

– Классический пример совпадения интересов.

– Да. Ну что же, пройдемте в мой кабинет. Там и продолжим беседу.

Путин на правах хозяина прошел вперед. Я следовал за ним метрах в двух, понимая, что ему – человеку, живущему в постоянном сопровождении охраны, не очень комфортно ощущать чужое дыхание в затылок. Хотя, с другой стороны, тот факт, что мы с ним примерно одного роста, невольно располагает друг к другу. Хотя шеи при общении не затекают! С его больной спиной это большая радость.

Мы прошли по коридору до кабинета Президента. Распахнув дверь, Путин сделал характерный жест рукой, указывая на зеленый стул, стоящий у журнального столика, а сам присел на такой же, стоящий напротив. Интерьер комнаты был мне знаком по телевизион-

ным репортажам. Именно здесь проходят встречи с членами правительства. Кабинет был довольно большой, с камином, тяжелой подставкой под государственный флаг и письменным столом. Однако меня не покидало ощущение казармы – на всем был отпечаток аппаратного прошлого. Вместо Путина здесь легко мог бы находиться и Брежнев, и Андропов, и Черненко – ничего бы не поменялось. Никакого отпечатка личности хозяина. В этом интерьере правит функция – преемственность власти в деле. Личность – ничто, положение – все!

– Я не люблю этот кабинет, – признался Путин, – да и весь этот дом... Но в нем все-таки не так тяжело, как в Москве.

– Соглашусь, – кивнул я. – По ночам привидения не шастают?

– Здесь нет, а вот в Кремле, говорят, бывает.

– Кровушки там пролили немало, нехорошее место. Ну ничего – отмолим.

– Как-то вы особо за молитвой замечены не были. – Путин хитро улыбнулся.

– Ага, значит, все-таки следим по чуть-чуть! Нехорошо. А по поводу вашего замечания – то, как я живу последнее время, и есть молитва. Возвращаясь к вашему вопросу. Итак – чем вы можете помочь?

– Именно так.

– Очевидно, что Царствие Небесное уже не за горами...

– Это то, с чего я начал, – перебил меня Президент, – пока вас не потянуло путешествовать и мебель ломать!

Я пропустил его колкость мимо ушей – не до этого сейчас, а то мы так никогда не дойдем до сути:

– Также очевидно, что мир, если угодно, не готов к подведению финальной черты. Не готов по многим причинам. Не все верят в Бога, и за это с них будет спрошено, но и не все знают о Боге, так что, по всей видимости, предстоит еще какую-то часть населения привести к вере. Но это не мой вопрос. По мне, так можно было уже сегодня все завершить, но у Даниила есть надежда – он считает, что шанс на исправление все-таки есть. Знаете ли, типично христианское обращение к падшим. Вот этот шанс России я и попытаюсь с вашей помощью реализовать.

– Чем могу помочь? Может, точнее было бы обратиться к Патриарху?

– А что мы будем делать с другими гражданами нашей страны? Как быть с мусульманами, иудеями, буддистами, да и просто атеистами? Непорядочек. А смириться с их существованием придется, так и в Евангелии сказано о помощи самаритянам. Поэтому вам не увильнуть – поработать придется!

– Чертовски хочется поработать! – сказал Путин, выражая лицом чувства человека, довольно потирающего руки перед колкой отличных сухих дров острейшим топором.

– Господин Президент, ну что вы ерничаете? Вы на Егора Кузьмича совсем не похожи.

– Хорошо, – согласился Путин, – а в каком качестве будем работать?

– В президентском, и не только. Забавно, как много намеков в Новом Завете. Как вы помните, двенадцать апостолов были ближним кругом Христа, но кроме них было немало людей приближенных и очень достойных. Уж никак не меньше ста двадцати, так что ООН в новом свете вполне может учесть христианские рекомендации. При этом, так как нас с Биллом только двое и уже можно быть уверенными, что это число неизменно, я не исключаю возможности существования некоего мирового правительства из двенадцати избранных, которые также будут осуществлять божественную миссию с помощью уполномоченных граждан.

– Уполномоченных кем?

– Даниилом, кем же еще?! – удивился я. – Продолжаем. Итак, если базироваться на «Деяниях апостолов», то неплохой мне кажется следующая идея для ищущих спасения –

продать все свое имущество и вверить его в надежные руки для честного распределения оною среди нуждающихся.

– Звучит как социалистические лозунги, – нахмурился Президент. – Все бы ничего, но есть проблема с исполнителями.

– Согласен – воруют, да и сдавать не захотят. Это вопрос выбора и раскрутки. Кое-кто согласится, а для других все довольно просто – десять заповедей.

– А как же действующие законы, суды, милиция, налоги? Выборы, политические партии, наконец?

– Все таки чувствуется юридическое образование. Выше голову, монсеньор, у России теперь есть я – гарант Второго пришествия. Как-нибудь разберемся. Кстати, есть возможность апелляции по инстанции – Даниил как высший судия. Только давайте обращаться к нему за советом буду я лично, а не всякий, кому заблагорассудится. И вот еще что. Вам бы подготовить обращение к народу – так, пару слов о Конце света. С Енохом советоваться не надо – в его время государств не было, с историей человечества он знаком понаслышке, а Новый Завет вообще не читал. Поэтому вся его доктрина мирового зла совсем не христианская, а скорее иудейская – и звучит она так: «А что тут думать? Перед Мессией придет анти-мессия!» Так как Енох, помимо его желания, вновь оказался среди живых, значит, последние времена точно пришли. А так как не бичевать он не может, то ему все вокруг видятся врагами. Что происходило в мире за последние сто лет, ему наплевать, но народ явно мелкий и грешный, только Даниил по уровню личности забивает старика, вот и простой вывод – агу его! Кстати, разрыва контракта с ним я не требую – дело ваше. Может, еще и сгодится – вам ведь надо приводить все религии и конфессии к единому знаменателю – ему и поручите. Заодно и посмеетесь, он-то ни про Магомета, ни про Моисея, ни про Будду, ни про Лютера, ни про Кальвина слухом не слыхивал.

– Владимир, а каковы ваши личные планы? – неожиданно спросил меня Путин.

– Замечательный вопрос, – хохотнул я, – после которого могу с уверенностью сказать, что журналистская карьера вам не светит! Чувствую, вы не огорчились. Планы? Покинуть вас для начала и встретить утро в объятиях любимой. Ну а с утра начнем разбираться с накопившимися делами. И резиденцию мне искать не надо – я уже выбрал! Кстати, недалеко от вас – дом Пашкова. Засим откланиваюсь. Провожать меня не надо. Как я понимаю, теперь за мной закреплена машина и пара накачаных граждан? Так вот – до дома пусть довезут, а завтра на работу не выходят – своих найду! И номерок у машины смените – «666» уже не в тему, шуточка поднадоела.

– Есть пожелания?

– Проявите сообразительность, господин Президент! Всего хорошего!

Я устал. Мне хотелось прекратить этот тяжелый разговор. Удивительно, насколько никто не желает проявлять инициативу! И ведь даже когда вынуждены хоть что-то делать, ерничают – такая вечная фига в кармане. Мне не хотелось подавать руку Президенту, но я решил, что это выглядело бы оскорбительно. Проявив смирение (Даниил – улыбочка!), я встал из-за стола и, обойдя его, подошел к Путину, который, в свою очередь, сделал несколько шагов мне навстречу. Рукопожатие не для камер светской хроники, так что в фальшивых улыбочках нужды нет. А забавно быть апостолом – мысли читать легко! Все-таки в каждом мужике до старости живет ребенок. В момент рукопожатия Путин думал о том, что мог бы довольно легко бросить меня через спину с колен и перейти на удушение. Я широко ему улыбнулся и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.